

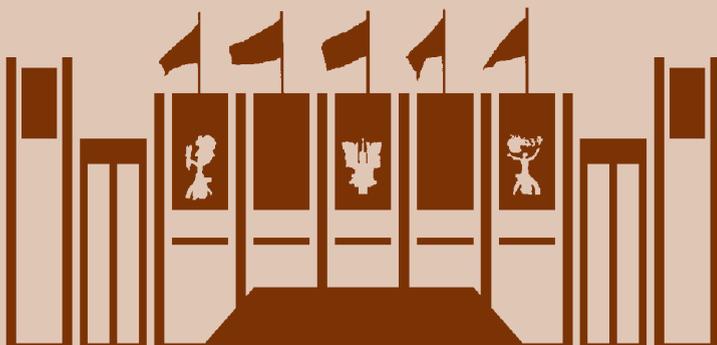
ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
МГИМО (У) МИД РОССИИ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

ВЫПУСК 5(35)
октябрь 2012

В.М. Сергеев, С.Н. Саруханян

Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны)

Центр глобальных проблем

ББК 66.3(5Туз)
С 32

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

*Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России*

Выпуск 5(35)

Октябрь 2012

Тема

Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны)

Главный редактор Александр Орлов

Выпускающий редактор Виктор Сергеев

Редактор Валентина Шанкина

Компьютерная верстка Анатолий Казанцев

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76,
Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издательство «МГИМО – Университет»
119454, Москва,
пр. Вернадского, 76
Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов ИМИ МГИМО (У).

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
Заказ № . Тираж 500 экз.

© Сергеев Виктор Михайлович, 2012
© Саруханян Севак Норайрович, 2012
© МГИМО (У) МИД России, 2012

Подписано в печать 28.09.2012

Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России

Центр глобальных проблем

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

выпуск 5 (35)
ОКТАБРЬ 2012

В.М. Сергеев, С.Н. Саруханян

Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны)

Москва
МГИМО – Университет
2012

Аннотация

Работа посвящена изучению модернизационных процессов на примере стран Ближнего и Среднего Востока, что особенно актуально в настоящее время в связи с происходящими в регионе событиями. В работе детально рассматриваются модернизационные процессы, происходящие в таких различных странах, как Турция, Иран, Саудовская Аравия, Иордания, Египет и др. При этом особое внимание обращается на соотношение модернизации и тех методов, с помощью которых она осуществляется. Переход от традиционного общества к современности происходит, как правило, с большими трудностями и часто осуществляется через применение силы, т.е. революционным путем. При этом характер происходящих революций сильно различается, начиная от «белых» революций, инициированных правящим политическим классом и направленных на то, чтобы «догнать» передовые страны, и кончая «черными революциями», стремящимися в ответ на попытки модернизировать страну, восстановить традиционные ценности, традиционный образ жизни. На Ближнем и Среднем Востоке наблюдаются очень интересные процессы одновременного движения по этим двум направлениям, наиболее ярким примером которых является политическая эволюция Исламской Республики Иран, где консервативная клерикальная элита проводит курс на техническую модернизацию страны. Не менее интересно развитие ситуации в Турции, где радикальный кемалистский курс постепенно вытесняется политикой восстановления традиционных исламских ценностей. «Революции», происходящие в таких странах, как Египет, Ливия, Сирия, начинавшиеся как протест против авторитаризма, постепенно трансформируются в «исламские революции», поддерживаемые наиболее традиционными режимами стран Персидского залива.

Во многих отношениях этот процесс объективно направлен против западного влияния в Арабских странах, но парадоксальным образом поддерживается и спонсируется Западом. Политические процессы в регионе не укладываются в традиционное понимание модернизационных процессов. Тем настоятельнее необходимо их пристальное изучение.

Abstract

This work is devoted to the problem of modernization of the countries of Middle and Near East, what is especially important in view of the recent events in this region. We analyze in detail the modernization processes in such diverse countries as Turkey, Iran, Saudi Arabia, Egypt, Jordan. We pay the special attention to the relations between the modernization processes and methods of their implementation. The transition from traditional society to modernity occurs as a rule with great difficulties and often by revolutionary means. The character of revolutions varies significantly – from “White revolutions” initiated by the ruling political elite aiming to catch up with the most developed economies to the “Black revolutions” – a response to modernize the country promoting the return process to the most traditional values and way of life

In the Middle and Near East it is possible to see the paradoxical movement simultaneously towards both of these directions the most clear example of which is the Islamic Republic of Iran. Were the conservative clerical elite pursuing the extreme technical modernization of the country. It is possible to see no less interesting development in Turkey where the radical “Kemalists” are forced out by the policy of restoring of traditional Islamic values.

Revolutions, which were started as anti-authoritarian, and anti-corruption movements, slowly transforms itself into “Islamic revolutions”, supported by the most traditional regimes of Persian gulf. In many aspects this process is directed against the Western influence in Arabic countries, but it is supported and sponsored by the Western countries.

Political processes in the region is hardly fitting the common picture of modernization. Therefore, it is very important to study them carefully.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение	6
2. Турецкая модель модернизации	9
2.1. Начало турецкой модернизации	10
2.2. «Победа» над исламом	12
2.3. Реакция на модернизацию	14
2.4. Политический и экономический ислам в современной Турции	17
2.5. Идеология: тупик турецкого политического ислама?	21
3. Модернизация и революция в Иране	25
3.1. «Белая революция»	26
3.2. Модернизация и демократия	27
3.3. Модернизация и нефть	29
3.4. Модернизация и «новая экономика»	31
3.5. Модернизация и идеология	33
3.6. Модернизация и знание – тупик перемен	36
3.7. Исламская революция	38
3.8. Иран после революции	39
4. Модернизация и кризис легитимности на Ближнем Востоке.....	43
4.1. Сирийский кризис	44
4.2. Ирак и Ливан: кризис многоэтничности	46
4.3. Египет после «арабской весны»	47
4.4. Саудовская Аравия – границы стабильности и роста	49
4.5. ОАЭ. Полиархическая власть и экономическая модернизация	51
4.6. Кувейт, Катар и Бахрейн в плену у геополитики	54
4.7. Иордания. Потенциал для модернизации и роста	56
5. Европейская реакция на «арабскую весну» и некоторые соображения о путях модернизации стран Ближнего и Среднего Востока.....	61

The content

1.The introduction.....	6
2. The Turkish model of modernization.....	9
2.1. The beginning of Turkish modernization.....	10
2.2. The «Victory over Islam».....	12
2.3. The response on the modernization.....	14
2.4. Political and economic Islam in contemporary Turkey.	17
2.5. Ideology: the blind-alley of Turkish political Islam?	21
3. Modernization and revolution in Iran.....	25
3.1. The «white revolution».....	26
3.2. Modernization and Democracy.....	27
3.3. Modernization and the oil.	29
3.4. Modernization and «New economy».....	31
3.5. Modernization and ideology.....	33
3.6. Modernization and knowledge: the blind-alley of changes.	36
3.7. Islamic revolution.	38
3.8. Iran after the revolution.	39
4. Modernization and the crisis of legitimacy in the near East.....	43
4.1. Syrean crisis.	44
4.2. Iraq and Lebanon crisis of polyethnicity.....	46
4.3. Egypt after the «Arab spring».	47
4.4. Saudi Arabia-the limits of stability and growth.....	49
4.5. U.A.E.: Polyarchic power and economic modernization.....	51
4.6. Quweit,Qatar and Bahrain in the captivity of geopolitics.....	54
4.7. Jordan. The potential for modernization and growth.	56
5. European reaction on the «Arab spring» and some consideration About the ways of modernization of the countries of near and middle East.	61

1. ВВЕДЕНИЕ

Хорошо известно, как трудно идет модернизация в странах Ближнего Востока. Что является причиной этого? Является ли ислам главной причиной этих трудностей? Ведь было время, когда страны ислама существенно опережали по уровню развития христианские страны Европы. Может быть, время изменилось, и в тот период (IX-XI века) ислам больше отвечал задачам политического и экономического прогресса? Вопрос о том, в какой степени способны модернизироваться страны ислама, является важной проблемой глобального развития.

В настоящее время большинство стран, где ислам является господствующей религией, в особенности страны Ближнего Востока, остро нуждаются в модернизации. В условиях быстро растущих на мировых рынках ценах на зерно и слабой конкурентоспособностью промышленной продукции (за исключением некоторых видов легкой промышленности) социальная напряженность в этих странах начинает нарастать, что грозит революционными потрясениями. Вопрос в большинстве ближневосточных стран стоит так: модернизация или революция. Это верно даже для нефтедобывающих стран Персидского залива, где правительства не страдают от недостатка денег. Однако именно в этих странах современная ситуация характеризуется наличием другого дефицита — доступа для населения и новых классов к политической власти.

Но ислам — это не только религия. Ислам — это социальная система, которая регулирует права социальных групп (в частности, женщин) и обладает собственной системой права (шариат) и справедливости.

Может ли модернизация произойти без изменения фундаментальных структур социальных отношений? Кемаль Ататюрк, руководитель первой исламской страны, ставшей на путь радикальной модернизации, ответил на этот вопрос решительным НЕТ, исключив ислам из политической жизни страны. Он положил начало авторитарной модели модернизации на Ближнем Востоке, и его примеру последовали многие элиты соседних с Турцией стран.

В последнее время, однако, режимы, избравшие «турецкую модель» развития, падают один за другим. На их месте возникают режимы с еще неясными контурами, но в которых ислам несомненно будет играть значительно большую роль, чем в «турецкой модели».

Даже будущее ислама в Турции, равно как и будущее самой турецкой политической системы, заставляют серьезно задуматься. И не только из-за конъюнктурных обстоятельств, связанных с «арабской весной». «Арабская весна», в результате которой были свергнуты авторитарные правительства ряда арабских стран, началась с борьбы значительной части населения этих стран с правящими элитами, узурпировавшими власть и создавшими репрессивные системы государственного управления. В какой-то степени случившееся в Египте, Тунисе и Ливии можно было бы назвать демократическими революциями, если бы не ряд факторов, который мешает это сделать.

Во-первых, термин «демократическая революция» до сих пор применялся для определения важнейших социально-политических и экономических изменений, имевших место в западном мире, или же в странах, избравших для себя западный путь политического, социального и экономического развития. Новые элиты Египта, Туниса и Ливии, которые приходят к власти с использованием традиционных для западных стран демократических институтов — свободы политической деятельности и формирования

власти через всеобщие выборы, как уже сегодня очевидно, западную модель копировать не собираются и ведут свои страны в сторону большего традиционализма и консерватизма. Не та же судьба уготовлена и Турции?

Во-вторых, пока еще доподлинно неизвестно, насколько демократия как форма правления устойчива к нормам и традициям ислама и, следовательно, насколько она жизнеспособна в мусульманских странах. Для пессимистического видения перспектив демократии в регионе Ближнего Востока есть достаточно серьезные основания: процветание абсолютных арабских монархий Персидского залива, революционный ультра-консерватизм в Иране, результаты революционных волнений в Тунисе и Египте, гражданская война в Ливии, разгром движения за демократию на Бахрейне. Для оптимистического же видения оснований практически нет, за исключением опыта единственной страны региона, синтезирующей демократию и традиционализм, республику и ислам. Речь идет о «турецкой модели», представляемой в качестве доказательства возможности построения демократии на Востоке и участия партий исламистского толка в управлении светской страной, со светской конституцией и соответствующим ей законодательством.

Моделей политического устройства на Ближнем Востоке было испытано, грубо говоря, три:

1. Радикальное устранение ислама из политики (Кемалистская Турция, Насеровский Египет, Касемовский, а затем Баасистский Ирак, Баасистская Сирия, постреволюционный Алжир и пр.).

2. Абсолютные монархии стран Персидского залива.

3. Вестернизованные парламентские монархии, опирающиеся на исторический опыт исламской легитимности (Иордания, Марокко).

Всякая типология неизбежно хромает, и этой типологии можно предъявить много претензий (куда, например, девать послереволюционный Иран, свергнувший авторитарную монархию и установивший режим ультраконсервативной исламской парламентской демократии?). Однако большинство стран перепробовало все три варианта.

Но это не просто три модели политического устройства, это три модели развития, три модели модернизации. Первую модель можно назвать авторитарной, модернистской, светской. В течение долгого времени ряд стран, взявших на вооружение эту модель, поддерживались СССР (в том числе и Турция в течение первых лет правления Ата-тюрка), а после распада СССР страны, реализующие эту модель, сохраняли хорошие отношения с Россией. В основе идеологии режимов в Алжире, Тунисе, Ливии, Сирии, Йемена лежало представление о том, что трудности и неудачи этих стран связаны с колониальным прошлым и бывшие метрополии в каком-то смысле ответственны за отсталость в развитии¹. Другая причина отсталости виделась в доминировании ислама, и так же, как и в Турции, роль ислама авторитарные правители этих стран стремились уменьшить. Авторитаризм (причем «новый авторитаризм») — в виде доминирующей роли армейских руководителей в управлении страной — в большинстве этих стран рассматривался как быстрейший путь к преодолению отсталости². Методы авторитарного правления камуфлировались формальным популизмом, который принимал обычно вид социалистической идеологии.

¹ Эта позиция поддерживалась также крайне левыми политическими силами Западной Европы, видевшими за Западом ответственность за отсталость постколониальных стран.

² Vatakotis P.J. The History of Modern Egypt. — London, 1991.

В 1990-е гг. произошел поворот в политике некоторых из этих стран, они попытались повернуться лицом к Западу. Казалось, что революционное и «террористическое» прошлое уже преодолено и забыто. Но события «арабской весны» показали, что это не так. Западные страны так и не смогли простить не только прошлую вовлеченность Ливии и Сирии в террористическую активность, но даже вполне прозападный (хотя и сильно коррумпированный) режим Мубарака отказались поддержать в момент, когда на улицы вышли толпы демонстрантов.

Но в целом прослеживается некая тенденция: светские авторитарные режимы, к которым следует отнести и Кемалистскую Турцию, теряют свой престиж в регионе. И эта потеря престижа оборачивается победой ислама. Естественной «прививкой» от радикального ислама и сохранения политических институтов западного типа служит, по-видимому, традиционная легитимность. И в Иордании, и в Марокко правящие династии возводят свой род к Пророку Ислама, что в общем и целом не оспаривается местным населением. Что же делать тем странам, в которых правительства не обладают традиционной легитимностью? Что же ожидает страны Ближнего Востока в будущем? Какие изменения можно ожидать в этом регионе? В качестве исходного пункта для ответа на эти вопросы целесообразно рассмотреть становление, исходные предпосылки и эволюцию турецкой модели.

2. ТУРЕЦКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Анализ турецкой модели развития требует необходимого внимательного рассмотрения исторических корней этой модели. Будучи, в соответствии с конституцией, государством турецкой нации, в действительности Турция является очень сложным конгломератом различных этносов и религиозных групп, идентичность которых, начиная с момента образования Турецкой республики, как и в большинстве европейских государств до недавнего времени (до создания ЕС и распространения идей мультикультурализма), «стирается» господствующим этническим и религиозным большинством. Этот сложный конгломерат начал складываться со времени возникновения Оттоманской империи, когда относительно небольшая по численности группа огузских племен под руководством Бея Османа начала завоевывать территории, населенные византийскими греками в Малой Азии, и уже через сотню лет включила в состав Оттоманской империи не только всю Малую Азию, но и значительные земли на Балканах, населенные преимущественно греками и славянами, исповедовавшими православие.

С течением времени, по мере ослабления Оттоманской империи, давление христианских государств, и прежде всего России, привело к значительному сужению Оттоманских владений, при этом мусульманское население отпавших частей империи переселялось преимущественно в Малую Азию, увеличивая ее и без того немалую этническую и религиозную пестроту. Так, в XVIII веке появились бежавшие из Крыма крымские татары, затем (после начала греческой войны за независимость) мусульмане из Греции, затем, после Сан-Стефанского мира и Берлинского конгресса, – беженцы из Болгарии. После окончания Кавказской войны в Малую Азию и на Ближний Восток переселилась значительная часть адыгов, чеченцев, черкесов, аварцев, лезгин. Еще в Средние века в Анатолию переселилось множество шиитов, принадлежавших к различным течениям крайнего шиизма, часто замаскированным под суфийские ордена – хуруфиты, алавиты (последние до середины XIX века даже не признавались мусульманами). До настоящего времени никто не знает, сколько алавитов в Турции – по приблизительным оценкам 10–15 млн человек. Султанская гвардия (янычары) состояла из членов суфийского ордена Бекташи, которые, по утверждениям некоторых экспертов, были замаскированными хуруфитами (т.е. крайними шиитами). Исповедание крайних шиитских сект – хуруфизма, измаилизма – давало право верующим не раскрывать свое истинное вероисповедание, формально придерживаясь официального суннизма. В Турции живет примерно 20 млн курдов, которые разбросаны также по территориям Сирии, Ирака, Ирана (в Турции существование курдов до недавнего времени официально не признавалось).

Со всем этим многообразием этносов и религиозных воззрений и пришлось иметь дело основателю Турецкой республики Кемалю Ататюрку. Вдохновляясь западными идеями секуляризма и национализма, Ататюрк энергично боролся как с исламом, в котором он видел причину отсталости страны, ее выпадения из мейнстрима мирового развития, так и полиэтничностью, стремясь создать «единую турецкую нацию».

Со временем, однако, историческая традиция начала проявлять себя не только в социальной сфере, где ее влияние практически не ослабевало, но и в сфере политики.

Не прошло и двадцати лет после смерти «Отца нации» как премьер-министр Мендерес стал проявлять слабость в отношении ислама. Почувствовавшая это уклонение от линии Ататюрка армия произвела в 1960 г. военный переворот, Мендерес был смещен и повешен (сейчас его именем назван аэропорт в Измире — втором по величине городе Турции). В 1980-е гг. по той же причине произошел новый переворот. Атмосфера тех дней в турецком обществе замечательно передана в «Черной книге»³ Нобелевского лауреата Орхана Памука. В «Черной книге» ошеломляюще ярко показан страх, растворенный в обществе, и его незащитность перед угрозой действий армии и карательной машины государства. Со времени написания этой книги режим, может быть, под давлением экономической и политической элиты, желающей войти в состав ЕС, значительно смягчился, в особенности после прихода к власти Эрдогана.

«Турецкая модель», тем самым, представляется синтезом двух, на первый взгляд, несоотносимых друг с другом явлений — модернизации и секуляризации государства, с одной стороны, и ислама, допущенного благодаря созданной в результате модернизации и либерализации конкурентной политической системе к управлению страной, с другой. Сам по себе синтез этот абсурден, по крайней мере для западной и христианской цивилизации, в которой демократизация политических систем началась намного позже потери религией своей власти над светскими институтами, и поэтому демократия и парламентаризм по определению не могли привести к власти религиозные круги, если, конечно, таковыми не считать консервативные партии христианско-демократического толка, не имеющие к церкви и религии прямого отношения. В Турции же все вышло иначе: через 90 лет после создания Турецкой республики к власти в стране пришли именно те круги, которые, по замыслу Кемалю Ататюрку, к управлению страной не должны были быть допущены по определению. С 2003 г. в Турции правит Партия Справедливости и Развития (АКР).

Синтез исламского консерватизма и либеральной демократии сегодня и называется «турецкой моделью», которая должна пустить корни в странах победившей «арабской весны». Этот оптимистический подход опирается на не вполне четкое понимание дел, как на арабском Востоке, так и в самой Турции, которая сегодня переживает активный процесс политической трансформации, ввиду чего пока еще никакой «модели» не создала — не только для арабских стран, но и для самой себя.

2.1. Начало турецкой модернизации

Несмотря на то, что политика по модернизации экономики и политической системы в Османской империи началась еще в последней четверти XIX века и была интенсифицирована партией младотурок «Единение и прогресс» в 1909 г., современная Турция своим появлением обязана Мустафе Кемалю Ататюрку — основателю республики и крупному реформатору.

Ключевой фактор, легший в основу успехов реформ Ататюрка, надо искать не в характере самих реформ, а в том, в какой период они были проведены.

³ Памук Орхан. Черная книга. — СПб.: Амфора, 2000. Герой этой книги, популярный левый журналист, полон предчувствиями своей близкой смерти в результате военного переворота или террористического акта. В конце книги он действительно погибает от пули террориста. На присуждение О. Памуку Нобелевской премии, по-видимому, повлияло, в том числе, и желание европейской общественности спасти талантливого писателя от угрозы суда за высказанные им взгляды (сочувствие жертвам событий 1915 г.).

После поражения в Первой мировой войне Османская империя распалась, от нее отошли практически все территории, населенные преимущественно не турками. То, что ожидало Турцию в результате реализации Севрского договора 1920 г., было превращение в маленькое полунезависимое государство в Анатолии, практически лишенное всяких перспектив развития.

Однако распад Османской империи привел не только к потере территорий, но и к ослаблению традиционной турецкой элиты, проигравшей войну: главари младотурок практически все без исключения сбежали, султанат уже с 1909 г. был скорее формальным, нежели реальным институтом, армия как таковая перестала существовать⁴. А сами Малая Азия и Стамбул заполнились сотнями тысяч беженцев, вынужденных покинуть свои дома на территориях, отошедших от империи. Таким образом, Османская империя в результате Первой мировой войны оказалась разгромленной в военном, политическом, социальном и экономическом смыслах.

Турцию на пути окончательного распада и потери независимости остановило национальное движение во главе с Кемалем Ататюрком, который благодаря умелым военным и дипломатическим победам смог не только сохранить независимость страны, но и вернуть часть утраченных территорий. Без всякого преувеличения Мустафу Кемалю Ататюрку можно назвать отцом-основателем современной Турции, не просто пришедшим к власти в стране, но создавшим эту страну и эту власть и тем самым закрепившим за собой практически безоговорочный ресурс легитимности, который, в условиях политической и экономической разгромленности бывшей османской элиты, не сталкивался с серьезными внутренними вызовами. Именно поэтому Мустафа Кемаль Ататюрк — создатель новой Турции — был абсолютно свободен в принятии тех или иных решений, как личность и лидер нации обладал достаточной легитимностью для того, чтобы повернуть страну в любом удобном ему направлении. В условиях ослабления старой элиты⁵ и огромного ресурса доверия со стороны населения и армии Ататюрк мог спокойно принимать решения, которые в иных обстоятельствах привели бы к организованному общественному и групповому протесту, могущему погубить как реформы, так и самого реформатора.

Началом турецкой модернизации надо считать ликвидацию в 1922 г. султаната — символа как бывшей Османской империи, так и власти старых и устоявшихся традиций. В 1924 г. был упразднен халифат, в 1925 г. были запрещены дервишеские ордена, введена система светского образования, в 1926 г. были приняты новые уголовный и гражданский кодексы, в 1928 г. были произведены латинизация алфавита и разделение религии и государства. Последнее событие можно считать ключевым в истории реформ Ататюрка, так как оно практически закрепило невозможность прихода религиозных и традиционных кругов к власти.

⁴ Положение на русско-турецком фронте и в близлежащих территориях в конце войны замечательно описаны в воспоминаниях Виктора Шкловского «Еще ничего не кончилось». — М.: Пропаганда, 2003. (Шкловский исполнял обязанности комиссара Временного правительства на русско-турецком фронте во время его распада).

⁵ Один из известных американских специалистов по исламу и Востоку Бернард Льюис пишет, что самым плохим итогом модернизации в мусульманских странах можно считать то, что она ослабила и в некоторых случаях полностью уничтожила власть промежуточных между государством и обществом групп — земельной аристократии, торговцев, племенных вождей и т.д., — которые обеспечивали прямую и обратную связи между обществом и государством. В результате государство стало беспрецедентно сильным. См.: Lewis Bernard. Freedom and Justice in the Modern Middle East // Foreign Affairs. — 2005. Vol. 84, № 3. P. 43. В 1922 г. Ататюрк нанес сильнейший удар по остаткам могущества традиционной османской элиты и смог начать все с чистого листа.

2.2. «Победа» над исламом

На начальном этапе реформ в планах Кемалю Ататюрка было не просто разделение религии и государства, но реформа самой религии⁶. В 1927 г. по приказу Ататюрка был создан Государственный комитет по делам религии под руководством Мехмета Фуад Кепрюлю — известного историка религии. Целью деятельности Комитета была европеизация турецкого ислама и его превращение в инструмент продвижения реформ Ататюрка. Конечной целью кемалистов было создание «современного» (Çağdaş) ислама, основанного на рационализме и духе Просвещения, поддерживающего турецкий национализм, ставший идеологической основой Турецкой республики. Комитет инициировал перевод Корана с арабского на турецкий, на манер перевода Библии на немецкий, осуществленный Мартином Лютером, а также запретил молитву на арабском языке. Но самым большим новшеством было решение запретить молиться стоя на коленях, а в мечетях поставить стулья и скамьи, на которых должны были сидеть и молиться верующие. Последнее решение вызвало широчайший общественный протест среди верующих, составляющих большинство населения страны, что привело к отмене как этого, так и многих других решений, принятых Комитетом по делам религии⁷.

Надо учесть, что реформа, которую власти попытались провести в сфере религии, сопровождалась не антирелигиозными лозунгами, а утверждениями, что сам ислам нуждается в правильной интерпретации и имеет огромный ресурс для того, чтобы меняться и лучше соответствовать реалиям современного мира. Например, один из ярких идеологов ататюркизма и модернизации Турции Зия Гюкалп, который еще со времен младотурок призывал к кардинальным реформам в общественно-экономической сфере, хоть и не выступал прямо против ислама, но интерпретировал его достаточно своеобразно, проводя параллели между ним и христианством. Гюкалп считал, что трансформация европейского христианства доказала: модернизация не противоречит религии. В результате естественной трансформации христианства появился протестантизм, который и обеспечил общественно-политический и экономический прорыв европейской цивилизации⁸. Именно такую «модернизирующую» функцию Гюкалп отводил трансформированному исламу, который должен был лечь в основу «турецкого национализма, должного прийти на смену оттоманизму и исламизму»⁹.

Идеи Гюкалпа и многих других идеологов реформ ислама были достаточно упрощенными и даже в какой-то степени примитивными. Они опирались на параллели между Турцией и Европой практически во всех сферах и старались искать причины отсталости и слабости Турции не в исторических, культурных и политических различиях между исламом и христианством, Востоком и Западом, а в специфических обстоятельствах и неправильных решениях, принятых в свое время властями Османской империи. Исправив эти ошибки, создав институты и новые нормы, Турция, по представлению идеологов реформ, могла бы догнать Европу и стать развитой страной западного образца. В целом кемализм и вся турецкая модернизация были пропитаны институцио-

⁶ См. Mango Andrew. *Ataturk*. — London., 2000. P. 539.

⁷ Yavuz Hakan. *Islamic Political Identity in Turkey*. — London: Oxford University Press, 2003. P. 46—50.

⁸ Gokalp, Ziya. *Islam and Modern Civilization, in Modernist Islam, 1840-1940: A Source-Book*, edited by Charles Kurzman. — London: Oxford University Press, 2002. P. 197.

⁹ Mansoor Moaddel. *Islamic Modernism, Nationalism, and Fundamentalism: Episode and Discourse*. — University of Chicago Press, 2005. P. 157.

нальным подходом к политическим процессам и опирались на неизбежность решения ключевых национальных проблем путем создания соответствующих западной традиции институтов. Не придавалось должного значения университетскому образованию и развитию науки (в отличие от модернизационного процесса в Японии в конце XIX века и в Иране в настоящее время). Только относительно недавно в Турции появилось большое число частных университетов, правда готовящих в основном специалистов в области менеджмента и экономики.

В эпоху реформ создание новых, соответствующих европейской цивилизации институтов было настолько буквальным и не учитывающим национальные особенности, что процесс их появления можно с легкостью обозначить не как «создание», а как «слепое копирование», иногда прямо противоречащее особенностям турецкого общества. Модернизаторы считали, что Турция по сути своей страна цивилизованная и по статусу и величию сравнима с Европой, просто она от Европы начала отставать по причине «случайностей, ошибок и чрезмерной роли религии в Османской империи»¹⁰. Реформы, направленные на слепое копирование европейских институтов и норм, и должны были исправить эти ошибки. Как было объявлено в 1924 г. турецким Министром юстиции, «турецкий народ, который движется по пути присоединения к современной цивилизации, не может изменить современную цивилизацию так, чтобы она отвечала его ожиданиям. Турецкая нация должна сама адаптироваться к требованиям этой цивилизации и должна делать это любой ценой»¹¹.

Попытки создать «новый ислам», очень похожий на «новое христианство», в Турции провалились, что было вызвано фундаментальными различиями между исламом и христианством, которого кемалисты не видели. В христианском мире религия была побеждена дважды: сначала, в ходе долгой борьбы между папством и Императорами Священной Римской Империи, было практически ликвидировано главенство церкви над светской властью. Затем, в ходе событий, предшествовавших Великой Французской революции и Наполеоновским войнам, христианская мораль и нравственность (в основном в результате деятельности французских энциклопедистов и Вольтера) потеряли свою монополию в деле регулирования общественных отношений. Между первым и вторым событиями целые столетия: Ватикан терял власть на протяжении веков, а власть христианской морали в широких слоях европейского общества существовала вплоть до конца XIX века (до времени Ницше и Стриндберга). Кемаль Ататюрк решил, что можно сделать все сразу: ни у него, ни у Турции не было времени проходить через многосотлетние тернии борьбы между светским и религиозным началами. После провала попыток реформировать религию, турецкие реформаторы решили ее вовсе изъять из политической жизни и, как им казалось, раз и навсегда закрыть доступ реакции к власти. Второй крупной ошибкой реформатора был исключительный упор на институционализм и недооценка роли социальных сетей и социального капитала. Именно эта, вторая ошибка и позволила политическому исламу в конце концов прийти к власти. Дело в том, что, реформируя государственные институты, Ататюрк игнорировал социальные сети, существовавшие в провинции, вдали от крупных городов, в которых реформаторам удалось не только взять верх в политической борьбе, но и изменить менталитет населения. В результате страна оказалась расколота надвое. Каждый, кто посещал Турцию в 1990–2000-е гг., мог при

¹⁰ Zarakol, Ayse. Ontological (In)security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan // *International Relations*. – 2010. № 24:3. P.14.

¹¹ Ibid. P.15.

желании легко в этом убедиться. С одной стороны, растущие при поддержке мощной строительной индустрии города (Стамбул, Анкара, Измир), бурное строительство коттеджей вдоль восточного, турецкого побережья Эгейского моря, возможность свободно поговорить с населением на английском, немецком и даже (в прибрежных курортах) на русском языках. С другой стороны, — в 100 км от побережья вглубь страны — бедность крестьян и полукочевой быт скотоводов, быстро растущее число мечетей в деревнях, практически полное отсутствие знания иностранных языков.

Власти Турции уже во второй половине 1920-х гг. приняли, как казалось на тот момент, самое правильное для себя решение — отделили политику и власть от религии, предоставив последней возможность замкнутого существования в рамках нового турецкого светского государства. Лаицизм (*laiklik*) стал основным ответом на невозможность реформирования религии. Ответом достаточно ограниченным, так как лаицизм стал частью исключительно государственной политики и не затронул глубочайшие социальные отношения, которые, в особенности среди провинциального населения, с помощью социальных сетей продолжали существенным образом регулироваться нормами традиций, в свою очередь глубоко пропитанных религиозной исламской этикой. Турция, тем самым, отказалась от ислама во власти, видя в нем основную угрозу для реформирования государства¹², но не могла отказаться от ислама в социальных отношениях и в повседневности¹³.

2.3. Реакция на модернизацию

В то же самое время мы хотели бы обратиться к той основной оппозиции, пусть даже слабой, которая постаралась воспротивиться реформам в Турции. Сделаем мы это по той причине, что ее методы весьма напоминают методы нынешних происламских сил, ратующих за возвращение старых традиций в общественную и политическую жизнь турецкого государства.

В 1920 г., когда была создана Великая Ассамблея Турции — будущий парламент страны, в ней основную конкуренцию кемалистам составляла так называемая «Вторая группа», состоящая из представителей традиционной турецкой элиты, в том числе из представителей провинций страны, жители которых всегда отличались консервативными позициями относительно преобразований, проводимых сначала в Османской империи, а потом и в Турецкой республике. Основной подход этой группы был следующий: стране необходимо сохранение традиционных механизмов управления, в которых формальные и неформальные лидеры общин и провинций занимали промежуточное место между государственной властью, с одной стороны, и обществом — с другой. Подобно тому, как сегодня *Партия справедливости и развития* (АКР) не выступает с критикой кемализма, так и «Вторая группа» открыто против него не выступала (из соображений самосохранения), а выдвигала свои собственные предложения по характеру реформ, проводимых для восстановления и укрепления страны. Она формально не была против реформ, но на практике ратовала за торможение секуляризации системы управления, тем самым была откровенно антикемалистской. Ее подход к текущим политическим процессам

¹² Binnaz Toprak. The State, Politics, and Religion in Turkey. In Metin Heper & Ahmet Evin, eds. State, Democracy and the Military: Turkey in the 1980s. — Berlin: Walter de Gruyter, 1988. P. 120.

¹³ Poulton Hugh. The Top Hat, the Grey Wolf, and the Crescent: Turkish Nationalism and the Turkish Republic. — New York: University Press, 1997. 350 P.

заклучался в основном в использовании сетевого влияния — в стремлении к минимизации роли армии (оплота кемализма — в жизни государства) с требованием создать независимую от армии жандармерию, входящую в систему Министерства внутренних дел, где «Вторая группа» могла рассчитывать на некоторую поддержку через провинциальные социальные сети. Группа считала также, что закрытие религиозных школ может пошатнуть основы турецкого общества¹⁴.

В условиях, когда власть и популярность Ататюрка были практически безоговорочными, «Вторая группа» не могла позволить себе открыто выступать против лидера страны, как сегодня АКР не рискует выступить с критикой идеологии кемализма, потому и избрала путь продвижения своих интересов через формальные институты, созданные самим Ататюрком. Проявлением такой тактики стало то, что основная часть «Второй группы» в начале 1920-х гг. совершила парадоксальный шаг, присоединившись к *Либерально-республиканской партии Али Фети Окйара*, созданной по инициативе самого Кемаля Ататюрка с целью формирования в стране конкурентной политической системы. Тут особого внимания заслуживает тот факт, что консерваторы, выступающие против реформ, присоединились к либералам, которые выступали за реформирование политической системы в сторону большей либерализации и демократизации. Объяснение такого явления следует искать не только в отсутствии альтернатив у консерваторов, так как создание иных — тем более консервативных, с откровенно происламской позицией — политических партий Кемалем не приветствовалось, проявлением чего стало закрытие Либерально-республиканской партии в 1925 г., которую возглавляли два консервативных военачальника — Фуад Али Джебесой и Казим Карабекир, подозреваемые в поддержке восстания курдского радикального религиозного фанатика Шейха Саида^{15,16}. Дело в том, что деятели «Второй группы» поняли, в отличие от Ататюрка и его сторонников, что именно либерализм и развитие демократических институтов давали консерваторам и исламистам возможность, используя консервативные настроения большинства населения, создать такую политическую систему, через которую они смогли бы получить доступ к власти. Очевидно, что часть турецкого населения — достаточно отсталого на тот момент — была бы рада поддержать на выборах тех, кто выступал с позиции ценностей, понятных и разделяемых традиционной частью общества.

За несколько лет *Либерально-республиканская партия* была изнутри «захвачена» консерваторами, что привело к тому, что в 1930 г. она была ликвидирована самим ее основателем Окйаром, который оставался сторонником Ататюрка и его модернизации.

¹⁴ Mardin Serif (1973). Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics? // *Daedalus*. — 1973. Vol.102. № 1. P. 181.

¹⁵ Arslan, Ali. (2005). The Evolution of the Parliamentary Democracy in Turkey and Turkish Political Elites // *HAOL*. — 2005. № 6. P. 134.

¹⁶ Восстание Шейха Саида в советское время считали первым проявлением курдского национально-освободительного движения, что только отчасти отражает реальную суть этого исторического события. Его, на наш взгляд, надо считать первой организованной оппозицией реформам Ататюрка, которые, среди прочего, были направлены на создание единой турецкой нации, говорящей на турецком языке, что противоречило не только общинным интересам курдского населения страны, но и самому исламу, который религиозную общность ставит выше, искать именно в национальном вопросе: если для консервативного турецкого населения «лаицизм» означал закрытие доступа к власти, то для курдского населения разделение государства и религии привело к прямому национальному притеснению. Тем самым, курдский вопрос в Турции был порождением модернизации и реформ, приведших к национальному угнетению нетурецких этнических групп — общности национальной и этнической. Причину того, что именно курды восстали против Ататюрка, надо, безусловно, искать именно в национальном вопросе: если для консервативного турецкого населения «лаицизм» означал закрытие доступа к власти, то для курдского населения разделение государства и религии привело к прямому национальному притеснению. Тем самым, курдский вопрос в Турции был порождением модернизации и реформ, приведших к национальному угнетению нетурецких этнических групп.

Наше обращение к истории *Либерально-республиканской партии* вызвано тем, что логика деятельности консерваторов в начале 1920-х и в 2000-х гг. практически одинакова: для них развитие либеральной демократии как механизма формирования власти, а также ограничение полномочий армии является жизненной необходимостью, без реализации которой их приход к власти практически невозможен.

История появления *Либерально-республиканской партии* в Турции и ее захвата изнутри консерваторами сегодня может считаться хрестоматийной в вопросе изучения политических процессов как в Турции, так и в арабском мире, где исламские и консервативные группы на начальном этапе борьбы за власть выступают с требованиями демократизации и либерализации общественно-политической системы, что должно расширить их участие в политическом процессе. С этой точки зрения демократия выступает в качестве механизма прихода консерваторов к власти. Открытым вопросом тут является следующий: каким будет реальное управленческое видение консервативных и традиционных групп после того, как они придут к власти через демократические институты? Будут ли они тогда поддерживать дальнейшую деятельность этих институтов или же, уничтожив их, закроют доступ своим конкурентам к власти, создав новую авторитарную систему управления? Обобщенно и коротко этот вопрос можно сформулировать следующим образом: могут ли Исламисты быть Демократами?

Это ключевой вопрос, представляющий особый интерес с точки зрения изучения перспектив развития политических систем не только для стран, переживших «арабскую весну», а также Ирана, но и для самой Турции, находящейся в стадии активной политической трансформации. Ответы на этот вопрос могут быть разными. Согласно теоретическому подходу С. Хантингтона, представленному в книге «Третья волна: Демократизация в конце 20-го века»¹⁷, — могут, так как либерализация и модернизация ставят радикальные партии и группы перед жизненно важным выбором: оставаться вне политической системы или же, трансформировав свою политическую платформу, вовлечься в официальный политический процесс. Однако подход Хантингтона не учитывает роли социальных сетей и вызывает ряд вопросов, главным из которых является следующий: что если сама радикальная и исламская партия, которая программно трансформировалась в сторону умеренности и смогла занять легальную нишу в политической системе, но сохранила сетевые связи, придя к власти, уничтожит все те правовые преграды, которые не позволяли ей прийти к власти в том виде, в котором она хотела бы — в виде откровенно консервативной и исламской партии? Вопрос сложный, но важный, и ответа на него пока нет. Пока, так как неизвестно, чем завершится процесс консолидации власти «умеренными» исламистами АКР, которые уже девять лет правят Турцией: они пока еще заняты тем, что берут под контроль бастионы секулярности, которые с начала 1920-х гг. закрыли консерваторам доступ к власти. Речь об армии, прокуратуре и судебной системе. Борьба с этими институтами, конечно же, может считаться и борьбой за демократию и политические свободы, однако пока еще нет практических оснований для того, чтобы считать турецкий политический ислам истинным приверженцем либеральной демократии как таковой. Последняя для них, скорее всего, способ прихода к власти и механизм, обеспечивающий учет консервативных взглядов большей части населения в принятии важнейших политических решений. Вопрос: *Как будет вести*

¹⁷ Huntington Samuel. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. — Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

себя турецкий политический ислам после того, как «бастиионы» светскости и лаицизма падут, — является открытым.

Обобщая эту часть, отметим те основные факторы, которые, на наш взгляд, позволили Ататюрку начать революционные реформы турецкого государства:

1. Распад и ослабление сетевых связей старой элиты, обнищание и опустошение, вызванные распадом Османской империи.

2. Роль самого Ататюрка в «собирации» турецких земель и в обеспечении независимости страны.

3. Превращение армии в «стража» власти, что обеспечивалось пониманием офицерским корпусом того факта, что только радикальная модернизация может удержать страну от партикуляризма и в конечном итоге от распада.

4. Ликвидация и без того слабой консервативной оппозиции.

5. Подавление курдского восстания Шейха Саида как самого организованного сопротивления реформам.

Итогом же модернизации Ататюрка была трансформация системы государственного управления, включающая, прежде всего, сферы политики, образования, экономики, а также государственного права.

2.4. Политический и экономический ислам в современной Турции

«Победа» над исламом, достигнутая путем институциональных реформ, проведенных турецкими националистами в 1920-х гг., показала свою неустойчивость уже после Второй мировой войны, когда турецкая политическая система начала трансформироваться в сторону более открытой, результатом чего было создание многопартийной системы. Сразу после начала процесса демократизации в 1946 г. в Турции начал наблюдаться рост активности верующих, количества посетителей мечетей и пилигримов в Мекку¹⁸.

Однако в условиях строгого контроля армии над политическими процессами и отсутствия экономической базы у консервативной провинциальной части населения (экономическая мощь страны была сконцентрирована в крупных городах — Стамбул и Измир — и находилась в руках секулярных — «белых» — турок), консервативная реакция в стране оказалась разобщенной и проявилась в основном социально, но не политически.

Ситуация в Турции начала меняться только в 1970-х гг., когда консерватизм стал играть все более активную роль в турецкой политике, итогом чего и явилось то, что происламский руководитель Турецкой Ассоциации промышленников и предпринимателей (TUSAID) Неджметтин Эрбакан стал вице-премьером правительства (1974 г., 1975—1977 гг. и 1977—1978 гг.). Эрбакан был автором (1969) так называемого «происламского манифеста» («Millî Görüş» — «Национальное видение»), считающегося первым идеологическим документом политического ислама в Турции. Несмотря на то, что манифест называется «происламским», он является в первую очередь документом экономически ориентированным. В нем нет открытых требований исламизации Турции — речь идет об угрозе дальнейшей деисламизации страны: присоединение к общему европейскому

¹⁸ Lewis Bernard. Islamic Revival in Turkey // International Affairs. — 1952. № 1. Vol. 28. P. 38—48.

рынку, созданному — согласно Эрбакану — «католиками и сионистами», представляется в качестве утраты экономической безопасности Турции и ее порабощения западным капиталом, итогом чего должна стать деисламизация страны¹⁹.

Следует заметить, что платформа Эрбакана полностью отвечала принципам «исламской экономики»²⁰. Она отвечала также экономическим интересам турецкого капитала, объединенного вокруг TUSAID, представляющей в основном крупный бизнес. Этот слой бизнеса хорошо понимал свою неконкурентоспособность в условиях вхождения Турции в общеевропейский рынок.

Военный переворот 1980 г. и принятая после него новая Конституция Турции, признающая неотъемлемость принципа светскости государства и идеологии Ататюрка в качестве идеологического и правового доминанта политической системы страны, закрыли доступ политического ислама к власти на целых 16 лет, пока новая *Партия добродетели Неджметтина Эрбакана* в 1996 г. не победила на парламентских выборах, а сам Эрбакан не стал премьер-министром Турции. Продержавшись на этом посту около года, он был смещен армией в 1997 г. по обвинению в наличии у него «исламской повестки».

Запрет *Партии Добродетели* в 1998 г. можно считать важнейшим событием в трансформации политического ислама в Турции: после 1998 г. турецкие происламские силы поняли, что с исламской риторикой и программой к власти прийти если и можно, то только ненадолго, так как наличие такой программы, согласно турецкому законодательству, дает судебным властям, являющимся оплотом секулярности в Турции, начать правовой процесс закрытия партии и ее отстранения от власти. После 1998 г. политический ислам в Турции стал «деидеологизированной» силой, программно не выступающей с позиции возврата религии и традиций в систему управления страной. Показательным проявлением этой новой тактики политического ислама стало отсутствие идеологической компоненты в программе правящей партии АКР²¹. В ней слово «ислам» используется дважды: один раз в контексте исламского культурного наследия, второй раз в контексте особого внимания, которое партия уделяет развитию двусторонних отношений с исламскими странами. Сама политическая платформа АКР — более чем демократическая, ориентированная на развитие в стране либеральной политической системы.

Фактически, современный политический ислам в Турции тактически действует так, как действовал «Второй фронт» в начале 1920-х гг.: выступая с позиции необходимости развития гражданских прав и свобод, а также демократических институтов, он создает необходимую программную и политическую базу для того, чтобы облегчить себе приход к власти и ее удержание.

Последнее новому турецкому политическому исламу сделать будет значительно легче, чем Эрбакану, ввиду той экономической трансформации, которую сегодня переживает Турция, — трансформации, сопровождающейся быстрым ростом региональной экономики, в противовес старым экономическим центрам — Стамбулу и Измиру, и создавшей отличную экономическую базу политическому исламу. Опираясь на нее и расширяя ее, АКР укрепляет свою власть и ослабляет власть «белых турок», представляющих секулярную часть турецкого населения и элиты.

¹⁹ Schiffauer Werner. Nach dem Islamismus - Die Islamische Gemeinschaft Milli Görüs. Eine Ethnographie // Suhrkamp Verlag. — Berlin. 2010. 391 P.

²⁰ См. об исламской экономике: Сергеев В.М. (ред.). Прологомены к антропологии кризиса нашего времени. — М.: Россия, 2009.

²¹ http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme#bolum_ (последнее посещение — 17 апреля, 2012).

Заявление Эрдогана от 1 апреля 2012 г. о том, что «Турция растет на плечах «анатолийских тигров»»²² — как нечто иное, хорошо описывает роль новой турецкой экономики в политической и экономической жизни страны. «Анатолийские тигры» — сравнительно новые предприятия и бизнес-структуры, возникшие и возникающие в турецких провинциях с начала 1980-х гг. Провинциальное происхождение новых экономических акторов само по себе определяет целый ряд характеристик, присущих им, важнейшими из которых являются: оторванность от центров секуляризации, отсутствие прямой связи с республиканской элитой и ее экономическими интересами, вытекающее из этого отсутствие льготных входов и выходов в центральную систему управления со всеми ее огромными государственными заказами, а также характерный для провинций, не затронутых модернизацией, традиционализм в процессе ведения дел, соответствующий принципам «исламской экономики».

В 1990 г. в Турции была создана организация, объединяющая большую часть «анатолийских тигров» — *Ассоциация независимых предпринимателей* (MUSAID). По-турецки — *Mustakil is adamlari dernegi*, где слово *Mustakil* («независимый»), как предполагают некоторые, выбрано специально ввиду его схожести с *Muslim*²³ — исламский. В отличие от АКР, скрывающей свои исламские корни и идеи, MUSAID, будучи экономической, а не политической организацией, не принуждена политической системой это делать. На официальном сайте организации миссия MUSAID представляется следующим образом: «стать номер один бизнес-ассоциацией в Турции, которой доверяет и которую ценит большая часть нашего народа, ассоциацией, которая представляет свою страну самым лучшим образом на национальном и международном уровнях и членами которой являются те, кто искренне предан своей вере, подкрепленной тысячелетними ценностями, выработанными народом»²⁴. Следует отметить, что и в инновационной политике Турция придерживается особой модели, которую можно назвать исламской: концентрация внимания на местной торговле и легкой промышленности, что позволяет избежать (в основном) крупных индустриальных строек и сокращает время оборота капитала. Из экономики знаний развиваются только сферы торгового и промышленного менеджмента и банковского управления²⁵. Необходимо отметить также, что турецкая культура обладает одним весьма специфическим инновационным ресурсом. А именно «опытом трансгрессии»²⁶. Широкое распространение суфийских орденов в Османской империи привнесло в турецкую культуру именно этот опыт. В широком плане он необходим для преодоления некой консервативности, присущей исламу не как религии, а как социальному порядку. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать «Масневи» Джелал-ад дина Руми, почитаемую в Турции наравне с Кораном. Несмотря на запрет Ататюрком суфийских орденов, изъять этот опыт трансгрессии из турецкой культуры невозможно²⁷.

²² Today's Zaman. — 2012. April 1.

²³ Kristianasen Wendy. New faces of Islam // Le Monde diplomatique. — 1997. July issue.

²⁴ MUSAID — Mission and Vision. <http://www.musiad.org.tr/en/MusiadHakkinda.aspx?id=2> (последнее посещение — 19 апреля 2012 г.).

²⁵ См.: Сергеев В., Алексеенкова Е., Нечаев В. Типология моделей инновационного развития // Полития. — 2008. № 4. С. 6–22.

²⁶ Сергеев В.М. Инновации как политическая проблема // Полития. — 2008. № 1. С. 114–125.

²⁷ Замечательным подтверждением этому может служить книга Орхана Памука «Меня зовут красный» (СПб., 2002) о жизни художников в Османской империи и работе над миниатюрами, несмотря на запрет Корана.

Турецкий политический ислам во главе с АКР в лице «анатолийских тигров» и MUSAID получил серьезнейшую экономическую основу и поддержку для укрепления своей власти. По стечению обстоятельств, то, на что была направлена модернизация Ататюрка – создание современного турецкого государства, – фактически губит другой продукт Ататюрка – лаицизм: как только активная экономическая жизнь перешагнула из центра в провинцию, последняя смогла поднять голову не только экономически, но и политически и культурно, заявив о своем собственном видении будущего Турции, опирающемся не на постулаты вестернизации и социальной модернизации, а на «традиционные ценности» и «исламскую экономику», регулировавшие экономические и управленческие отношения в османских провинциях в течение столетий. В то же самое время надо обратить внимание на еще одну особенность турецких провинций, в которых и растут «анатолийские тигры»: из-за традиционности и религиозности населения социально-сетевое взаимодействие в этих регионах крепкое, уровень доверия между жителями высок, что не только положительно подпитывает экономические связи, но и резко снижает транзакционную стоимость как производства товаров и услуг, так и экономического взаимодействия между бизнес-структурами²⁸.

Как для MUSAID, так и для политического ислама сегодня важна демократизация турецкого политического процесса, конечной целью которой является окончательное лишение армии, прокуратуры и судебной системы возможности влиять на государственную политику и устраивать очередные перевороты. Чем политически слабее будут армия и судебная система (организованная на принципах Ататюрка) и чем сильнее будут демократические институты внутри страны, тем стабильнее и устойчивее будут шансы политического ислама по удержанию власти. После процесса над участниками операции «Эргенекон», которая при реализации должна была спровоцировать волнения в Турции²⁹ и привести к очередному военному перевороту, стало понятно, что политический ислам сегодня в Турции настолько силен, что, во-первых, может избежать очередного переворота и, во-вторых, арестовать и судить десятки армейских генералов и полковников, планировавших операцию «Эргенекон». Явление, невозможное 20 лет назад, показывает, насколько глубоким является политическая и экономическая трансформация современного турецкого государства.

Тем самым успех АКР нельзя объяснить исключительно текущей политической конъюнктурой в Турции или же харизматическими качествами лидера партии Эрдогана. Успех политического ислама в Турции складывается из целого ряда факторов, ключевыми из которых, на наш взгляд, являются следующие:

1. Демократизация страны, вызванная и аргументированная среди прочего и стремлением Турции вступить в ЕС.
2. Изменение тактики политического ислама в самой Турции, предполагающей отказ от исламской риторики и программы, что лишает судебные власти и прокуратуру повода для закрытия партии.
3. Появление серьезной экономической основы, на которую опирается политический ислам.

²⁸ Demir Ömer, Acar Mustafa, Toprak Metin. Anatolian Tigers or Islamic Capital: Prospects and Challenges // Middle East Studies. – 2004. Vol. 40. № 4. P. 166–188. См. также: North, Douglass. Institutions, Institutional Changes and Economic Performance. – Oxford University Press, 1991.

²⁹ Среди прочего предполагалось также и убийство армянского Константинопольского патриарха, что должно было привести к обострению этноконфессиональной ситуации в стране.

Все эти факторы, в силу своей фундаментальности, минимизируют возможность удаления политического ислама из политической жизни традиционным для Турции способом — судебным запретом деятельности партий или же военным переворотом. Сегодня уже очевидно, что политический ислам в Турции никуда не уйдет и будет далее укрепляться. Бернард Льюис, на протяжении почти всей второй половины XX века считавший Турцию чуть ли не примерной для исламского мира страной, показывающей, что демократия в западном понимании этого понятия в мусульманском мире возможна³⁰, в интервью от апреля 2011 г., когда сила «политического ислама» стала более чем очевидной, говорит: «Турция идет по пути реисламизации. Правительство намерено этот процесс поддерживать, и оно очень умело шаг за шагом завоевывает одну часть турецкого общества за другой. Экономика, бизнес-сообщество, академическое сообщество, СМИ. Оно сегодня берет под контроль судебную власть, которая в прошлом была оплотом республиканской власти. Через 10 лет Турция и Иран поменяются местами»³¹.

Но победа над кемалистскими институтами никак не означает, что «турецкая модель» политического ислама состоялась. В реальности она находится на стадии становления и вскоре столкнется с серьезными вызовами, основным из которых является идеологический.

2.5. Идеология: тупик турецкого политического ислама?

Какова же реальная идеология АКР? Какую систему турецкий политический ислам стремится создать в стране после того, как секулярные центры силы будут разгромлены?

В 1997 г. будущий премьер Турции Реджеп Тайип Эрдоган, еще будучи членом «Партии добродетели», на одной из встреч с жителями турецкой провинции процитировал отрывок из происламской поэмы, к которому сегодня часто прибегают для характеристики политической позиции турецкого премьера:

«Мечети — наши казармы,
Купола — наши шлемы,
Минареты — наши штыки,
И верующие — наши солдаты»³².

Поэма эта написана тем самым Зия Гюкалпом, который в 1920-е гг. выступал с позиции необходимости реформирования Турции и представлял ислам в качестве религии, обладающей большим потенциалом для реформирования государства. Однако поэма Гюкалпа написана 1912 г. — в период, когда Османская империя управлялась младотурками, которые в своей идеологии смешивали национализм и ислам, в результате чего появились две идеологические парадигмы младотурецкого режима — «пантюркизм» и «панисламизм». От второго кемалистская Турция отказалась ввиду того, что отказалась от ислама в государственной политике. Кроме того, поражение в Первой мировой войне лишило Турцию возможности создать панисламскую империю. Пантюркизм, в свою очередь, трансформировался в турецкий национализм, замкнутый на турках и

³⁰ Lewis Bernard. Islam and Liberal Democracy // The Atlantic. — 1993. February issue.

³¹ The Tyrannies Are Doomed. The Weekend Interview With Bernard Lewis // The Atlantic. — 2011. April 2.

³² Filkins, Dexter. The Deep State // The New Yorker. — 2012. March 12.

Турции и направленный на ассимиляцию нетюркских народов, живущих на территории Республики.

Однако в 1997 г., когда Эрдоган произносил эту речь, ситуация в Турции и вокруг нее была иной, чем в Турции 1920-х гг.: в 1990-х гг. ислам стал набирать силу во всем регионе. Иран устоял в войне с Ираком; в Афганистане Талибан пришел к власти; распад СССР привел к росту тюркского национализма в Азербайджане и в ряде стран Центральной Азии, спровоцировал рост религиозного самосознания на постсоветском пространстве; Югославия стала первой европейской страной, в которой через столетия вспыхнула религиозная война и т.д. С этой точки зрения цитирование Гюокалпа Эрдоганом и обращение к панисламским текстам в 1997 г. не было искусственным и демагогическим. Оно, скорее всего, было вызвано тем, что политический ислам в Турции стал чувствовать, что внутри и вне страны создается новая ситуация, при которой исламистская риторика может быть оправданной.

Ситуация с 2000-х гг. стала еще более благоприятной, так как политический ислам стал увереннее поднимать голову на Ближнем Востоке, итогом чего во многом и стала «арабская весна». Турции и турецкому политическому исламу, как говорится, грех не воспользоваться такой ситуацией. В особенности в условиях, когда внутри Турции созрела возможность отказа от двух идеологических постулатов, «на протяжении десятилетий разделявших турецкое общество: 1) лаицизм, предполагающий разделение религии и государства и 2) ассимиляционный национализм, целью которого является создание единой турецкой нации»³³. Но имеет ли политический ислам необходимые ресурсы для того, чтобы сделать это? Скорее нет, чем да. Объясним почему.

Выше мы писали о том, что АКР умело отказалась от происламской компоненты в политической программе для обеспечения своего участия в турецком политическом процессе. АКР уже у власти и, скорее всего, вскоре окончательно уничтожит надстройку кемализма, позволявшую секулярной элите удалить политический ислам из политической жизни страны. Но какую идеологию АКР представит в качестве новой модели турецкой политики, в условиях, когда нынешняя мягкая, скрытая и «умеренная» форма политического ислама не может справиться с внутренними и внешними вызовами? Ведь мягкая форма ислама, претендующая на такую же модернизационную роль, как кемализм, отличается такой же идеологической нецелостностью, что и сам кемализм: она чересчур секулярная для исламистов, чересчур суннитская для алавитов, чересчур турецкая для курдов³⁴.

Отсутствие долгосрочной программы у АКР очень мешает демократической консолидации турецкого политического процесса: для секулярных и националистических партий, а также для вестернизированной части общества не понятно, чего добивается политический ислам и к чему в конечном счете должна привести его политика по демократизации общественно-политической жизни страны. К демократии или же к разгрому оплота секулярности — армии и экономической элиты крупных турецких городов? Иными словами, является ли демократизация тем, к чему стремится АКР в качестве конечной политической цели или же она представляет собой способ консолидации власти, после которой политика партии изменится?

³³ Taspinar, Omer. The Old Turks' Revolt: When Radical Secularism Endangers Democracy // Foreign Affairs. — 2007. Vol. 86. № 6. P. 118–119.

³⁴ Casanova Jose. Civil Society and Religion // Social Research. — 2001. № 68 (4). P. 1064–1065.

Внешне сложившаяся в Турции ситуация достаточно привлекательна для арабских исламистов, которые склонны видеть в Анкаре «модель» для своего развития. Однако в том, что они видят в АКР «модель», турецкий политический ислам должен быть благодарен не своей политической программе, а внешней политике кабинета Эрдогана: исламистов привлекает не турецкий политический ислам сам по себе, позволяющий развешивать в Стамбуле рекламу бикини, а антиизраильская риторика Эрдогана и угрозы прорыва блокады Сектора Газы. В тот момент, когда светские и авторитарные элиты Ближнего Востока падут, к власти, практически без исключения, придут арабские исламисты, которые оценят «турецкую модель» по гамбургскому счету. Она окажется для них такой же мягкой, какой является и для самих турецких исламистов. Каким в таком случае может быть ответ турецкого политического ислама или, правильнее было бы сказать, что ждет саму Турцию?

В исследовании «Рост политического ислама в Турции», изданном Корпорацией Ренд в 2008 г., представляются четыре основных сценария развития политического ислама в Турции: 1) АКР выбирает умеренный, современный и ориентированный на членство в ЕС путь трансформации. 2) АКР будет ползти к большей исламизации. 3) АКР будет закрыта судебным решением. 4) В Турции произойдет очередной военный переворот³⁵.

Мы уже писали о практической невозможности 3-го и 4-го сценариев и считаем, что для их реализации, в особенности теперь, когда политический ислам так серьезно укрепился, нет основания. Выбор у политического ислама будет такой – либо дальнейшая исламизация, либо сохранение «умеренности». Оба варианта таят в себе реальные угрозы. Главными из них, на наш взгляд, являются следующие:

Таблица 1. Эффекты от трансформации политического ислама.

Исламизация		Умеренный ислам	
Положительные	Отрицательные	Положительные	Отрицательные
Политическое лидерство в исламском мире	Невозможность членства в ЕС	Возможное членство в ЕС	Потеря политического лидерства в радикализирующемся исламском мире
Частичное решение курдского вопроса	Ухудшение отношений с США	Турция – мост между Востоком и Западом	Перманентные проблемы с США и Израилем
Социальная и политическая солидарность среди большинства населения	Эмиграция светской образованной части населения	Возможность дальнейшей модернизации экономики	Условность победы над секулярной элитой
Экспансия турецкого влияния на Восток	Проблемы с не суннитами-алавитами	Смягчение «курдского вопроса»	Постоянный страх возможности потери власти

³⁵ Rabasa Angel, Larrabee Stephan. The Rise of Political Islam in Turkey // Publication of the Rand Corporation. – 2008. P. 91–96.

Как видим, у обеих моделей дальнейшего развития Турции есть свои плюсы и минусы. По какому пути пойдет турецкий политический ислам, зависит от целого ряда внутренних и внешних факторов — политических, экономических и социальных.

На наш взгляд, в течение ближайших лет турецкий политический ислам сможет сохранить свой тренд на «умеренность», ожидая окончательной развязки внутренних и внешних процессов. Но в будущем он обязан будет сделать выбор, без которого АКР может потерять власть и который в конечном итоге определит характер и направление развития Турции XXI века. Именно этот выбор и определит окончательно контуры «турецкой модели».

3. МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В ИРАНЕ

История модернизационных попыток в Иране — одна из наиболее интересных глав новейшей истории. Но дело здесь не только в истории. Изучение проблем модернизации Ирана дает возможность разобраться в самой сути очень сложного клубка проблем, связанных с глубокими преобразованиями в традиционном исламском обществе.

Исламская революция в Иране, вне всякого сомнения, одно из ключевых событий в политической истории мира второй половины XX-го века. Ее последствия трудно переоценить: она изменила весь политический ландшафт региона и положила начало новому историческому феномену в исламском мире — революционному исламскому фундаментализму. Революция сильно сказалась и на международном балансе сил: США лишились своего главного союзника в регионе Большого Ближнего Востока, она (революция) инициировала ирано-иракскую войну и как следствие — оккупацию Кувейта Ираком, последующую интервенцию США в Ираке.

Но нас в данном докладе будет интересовать не столько сама Исламская революция в Иране, сколько предшествовавшая ей «Белая революция» — политика модернизации, проводившаяся Резой Пехлеви, шахом Ирана, — начиная с шестидесятых годов XX века, которая и привела к социальной революции в Иране. Неудача «Белой революции», приведшая к падению режима, требует объяснения. Как модель модернизации сверху, она представляет для нас особый интерес, так как позволяет оценить другие попытки модернизации, в том числе и российскую, с которой «Белая революция» в Иране парадоксальным образом имела ряд общих черт, таких, как огромные прибыли от нефтяного экспорта в качестве финансовой основы модернизации, полупартийная система, независимая цивилизационная основа общества, политическая риторика, связанная с великим прошлым.

Эта попытка рядом существенных черт отличается от «турецкого пути» модернизации. Во-первых, она возникла не из тотальной катастрофы и распада государства, какой являлось поражение Турции в Первой мировой войне, а из стремления к региональному могуществу. Во-вторых, ей не предшествовало свержение режима, наоборот, коллапс режима явился ее прямым следствием.

Неудачу «Белой революции» в общих чертах можно объяснить одним весьма общим фактором: управление сложной социальной системой требует институциональной структуры, по крайней мере сопоставимой по сложности с управляемой системой³⁶. Исключительная сложность иранского общества, состоявшего из фрагментов, находящихся на совершенно различных уровнях социально-политического, культурного и экономического развития (секторов индустриального общества, традиционной мусульманской элиты, «новой» интеллигенции с западным образованием, многочисленных племен), предполагала сложную систему управления модернизационными процессами. Система же управления в Иране в действительности была достаточно примитивной, «ручной», высоко централизованной. Что приводило, особенно после повышения цен на нефть в 1973 г., к исключительно высокой коррупции.

Неспособность или нежелание шаха Ирана модернизировать систему управления государством и систему взаимоотношений с обществом оказались роковыми для модернизационного проекта властей. Риторика, популяризовавшая «великие нацио-

³⁶ Сергеев В.М. Демократия как процесс переговоров. — Москва: МОНФ, 1999.

нальные цели», не помогла. Ни амбициозная программа развития ядерных технологий, ни строительство современных университетов, ни высокие темпы роста экономики не смогли смягчить возмущение, вызванное очень высоким уровнем разрыва в жизненных стандартах коррумпированной элиты и средних слоев общества, т.н. «базаром», который к тому же сохранял приверженность к традиционной исламской культуре.

Обратимся теперь непосредственно к анализу «Белой революции».

3.1 «Белая революция»

«Белая революция» иранского шаха, начатая в 1962 г., имела достаточно четкий региональный фон – перевороты в Ираке и в Турции, где социально-политический протест и амбиции армейского руководства привели к падению правительств. Сначала в 1958 г. в результате заговора офицеров были убиты король, регент и премьер-министр Ирака, что привело к ликвидации монархии в стране. Вместо нее в Ираке была образована республика во главе с антизападным и просоветским режимом Абдель Керим Касема, который начал представлять прямую угрозу для шахского Ирана. В 1960 г. в Турции в результате переворота с поста премьера был смещен Али Аднан Мендерес, пытавшийся смягчить некоторые черты кемалистского светского режима в Турции и впоследствии за это повешенный.

Революция в Ираке и переворот в Турции были событиями разного толка. В случае Ирака имели место свержение режима и революционная трансформация иракского государства из монархии в республику. Случившееся же в Турции было переворотом, который во многом был вызван полудемократическим характером турецкого государства, предполагающим многопартийность, наличие групп интересов внутри власти, но и постулировавшим особую роль армии, как хранительницы кемалистских традиций. Несмотря на различие в характере смены власти в Ираке и Турции, оба события стали для иранского шаха Мохаммада Резы Пехлеви своеобразным уроком, так как оба события были следствием неудач модернизационных проектов, один из которых был антимусульманским, с решающей ролью армии в процессах развития, другой пытался найти середину между традиционными исламскими ценностями и западными методами управления. Наличие угрозы революции, за которую боролась партия ТУДЕ, получавшая поддержку из СССР, и наличие многопартийности, которая в свое время привела к власти правительство доктора Моссадыка, ограничившего власть монарха, были для Резы Пехлеви двумя примерами зла. И поэтому вывод, который шах сделал из событий в Ираке и Турции, был достаточно простым: монархии угрожают как революционизм, так и официальная и не противоречащая конституции политическая деятельность партий. Именно поэтому всю внутреннюю политику иранских властей в период с 1962 по 1978 г. можно характеризовать как политику разгрома всей оппозиции – от нелегальной революционной ТУДЕ до абсолютно легального Национального фронта Ирана, который с 1962 г. был фактически лишен возможности принимать участие в парламентских выборах. Политика подавления оппозиции и угроз, исходящих от революционеров и демократов, имела своей кульминацией превращение полупарламентской системы в 1975 г. в однопартийную, с одной единственной партией «Растахиз» во главе с шахом, систему, призванную помочь (*читать* – не мешать) в реализации программ, разрабатываемых кабинетом министров и лично шахом Пехлеви.

Внутриполитические изменения, произошедшие в Иране с началом «Белой революции» (само название предполагало, что она — ответ на возможную «красную»), — ключевой вопрос, который повлиял на судьбы иранской модернизации больше, чем сами экономические решения.

Сама же экономическая основа «Белой революции» состояла из серии решений, принятых шахом и его кабинетами в период с 1962 по 1978 гг., ключевыми из которых были земельная и образовательная реформы, национализация лесов, озер и рек, приватизация части государственной собственности, создание современной системы здравоохранения и страхования и т.д. Решения по реформам были более чем продвинутыми, но процесс их принятия сопровождался консолидацией власти и уничтожением демократических институтов, что опиралось на популярный в то время в политической науке США теоретико-методологический постулат о возможности модернизации экономики и социальных отношений без модернизации политической системы.

3.2. Модернизация и демократия

Иранская модернизация, стартовавшая после разгрома парламента и фактической отмены конституции, официально была начата после референдума по шести пунктам реформ, состоявшегося 26 января 1963 г., хотя решения по земельной реформе были приняты еще в 1962 г. Во время референдума 99,9 % участвовавших в нем высказались за реформы, однако сам референдум являл собой откровенное издевательство над институтом волеизъявления. Под предлогом необразованности населения власти придумали «легкий» способ проведения референдума: бюллетени белого цвета в участках брали и бросали в урны те, кто был за реформы, а синие — те, кто был против. Во многих участках вообще не было синих бюллетеней, но зато везде за ходом фактически открытого голосования следили сотрудники тайной полиции САВАК, и сделанный в их присутствии «неправильный» выбор мог привести к дальнейшим серьезным проблемам для голосующего.

Разгром парламента в 1962 г., референдум по модернизации в 1963 г. и создание однопартийной системы в 1975 г. были звеньями одной большой цепи, призванной создать в Иране современное государство благосостояния (по терминологии Алмонда — *welfare revolution*) во главе с монархом, правящим во имя народа и для народа и ведущим Иран к великому будущему. Само решение создать партию «Растахиз», которое должно было завершить процесс консолидации власти в руках шаха, было принято по предложению молодых иранцев, получивших PhD в американских вузах. Последние в формировании однопартийной системы, объединяющей сторонников реформ, видели естественный и справедливый итог развития Ирана. По существу это было другое издание кемалистских идей, сопровождавшееся к тому же началом борьбы с шиитским духовенством.

Нельзя сказать, что подход шаха и молодых советников династии по установлению в стране диктатуры был обусловлен исключительно национальными особенностями восточной политической культуры иранского народа: благоприятный фон для аргументации в пользу консолидации власти был обеспечен и академическим подходом западной политической науки к проблемам модернизации. В 1960–70-е гг. в американском образовательном и научном сообществах достаточно популярным был теоретический подход к модернизации американского профессора С. Хантингтона, позже ставшего широко известным благодаря публикации работы «Конфликт цивилизаций». В 1960–70-е же

годы Хантингтон старался теоретически доказать, что модернизация в традиционных монархиях может иметь место только посредством жесткой консолидации власти в руках правителя-модернизатора: «На начальном этапе модернизация требует изменения политики и приводит к концентрации власти. Разрыв между сильными и слабыми становится больше. В то же самое время, социальные и экономические изменения, рожденные модернизацией, приводят к тому, что новые группы начинают требовать входа в политическую систему и расширения самой системы»³⁷.

В той же работе Хантингтон обращается к примеру иранской «Белой революции», отмечая, что самая важная для Ирана земельная реформа 1961–1962 гг. не началась бы, если бы шах до ее развертывания не нарушал бы конституцию и не «освободился бы от парламента»³⁸. Подход Хантингтона «Реформы или свобода» («Reforms vs. Liberty») был достаточно популярным в американской академической среде, в которой и получали образование представители новой иранской профессиональной элиты. Так что никакого парадокса в том, что молодые иранские реформаторы ратовали за целесообразность консолидации власти, нет.

Важным представляется и другой вопрос: готов ли был шах после развертывания экономической и социальной модернизации впустить новые группы в политический процесс? Готов ли он был допустить их к системе управления страной через традиционные схемы политического участия? Ничто лучше не отражает позицию шаха-модернизатора, чем его слова: «У иранцев был выбор поддержать или отвергнуть три базисных принципа: Монархия, Конституционализм и Белая революция. Поддерживающие нас ныне присоединятся к партии «Растахиз», чтобы закрепить и продвинуть свои подходы. Оппоненты могут оставаться апатичными и не присоединяться к нам (в этом случае им будет отказано в пользовании плодами иранского процветания), а если будут те, кто захочет отвергнуть эти принципы, то им будет позволено уехать из страны»³⁹. Можно с полной уверенностью сказать, что иранская модернизация ни на каком этапе своей реализации не предполагала расширение круга политического участия граждан в управлении страной, а, наоборот, с каждым годом сужала этот круг и в конце концов в 1975 г. замкнула его на одной единственной партии, которая, ввиду своей специфики, имела одну главную цель – консолидация власти монарха и распределение благ среди своих членов.

Таким образом, явно был нарушен принцип адекватной сложности управления, о котором говорилось выше. Создание системы переговоров с теми группами иранского общества, которые были заинтересованы в проведении реформ, а также с теми, кто противился реформам, с целью хотя бы частичного учета их интересов, и по крайней мере интеграции недовольных в политическую систему, возможно, могло бы снизить риск революции.

³⁷ Huntington Samuel P. The Political Modernization of Traditional Monarchies // *Daedalus*. – 1966. Vol. 95. № 3. Tradition and Change. P. 770.

³⁸ *Ibid.* P. 776.

³⁹ Zabih Sepehr. *Iran's Revolutionary Upheaval: An Interpretive Essay*. – San Francisco, CA: Alchemy Books, 1979. P. 9.

3.3. Модернизация и нефть

Реформаторская политика М.Р. Пехлеви заслуживает внимания еще по одной причине: революционные изменения в социально-экономической системе начались в стране с огромными сырьевыми доходами, которые вполне могли бы обеспечить стабильность и рост экономики при условии, что элита страны согласилась бы этими доходами делиться с населением. Иными словами, грандиозные проекты режима вроде развития ядерных технологий не были вынужденными. Изменения не были вызваны жизненной необходимостью ни для режима, ни для народа, который ввиду своей исторической и национальной специфики был склонен к сохранению традиционного уклада жизни. Иранское общество тем самым не сформулировало никакого заказа на «Белую революцию», а термины и категории изменений ему зачастую казались чуждыми. Например, призывы шаха покончить с «феодализмом» были непонятны ни крупным землевладельцам, ни крестьянам, которые с отменой «феодализма», как ожидал сам шах, должны были начать жить лучше: в Иране никогда не было феодализма в том европейском смысле, в котором это слово употребляли и понимали и сам шах, и его команда реформаторов. В самом фарси слово «феодализм» использовалось для обозначения состояния дел в средневековой Европе, а не в Иране.

Что же заставило главу сырьевого государства, власть которого после 1962 г. казалась исключительно крепкой и стабильной, начать реформы, призванные изменить облик страны? Единственный ответ, к которому можно прийти, анализируя выступления, заявления и книги самого шаха, выглядит достаточно иррациональным: модернизация как средство превращения Ирана в регионального и международного лидера, а иранского монарха — в реального царя царей (шахиншаха), кои заложили основы 2 500-летней персидской государственности. С этой точки зрения модернизация призвана была решить такие вопросы, как создание современной и хорошо вооруженной армии, создание ядерной программы, которая уже в самом своем начале имела военную составляющую. Иран, по замыслу шаха, должен был стать современной и развитой страной, лидер которой на равных мог бы сидеть за столом переговоров с руководителями государств-лидеров современного мира. Политика шаха была с этой точки зрения достаточно похожей на политику свергнутого британской и советской оккупацией Резы Пехлеви — его отца, стремившегося построить новую Персидскую империю на авторитарных принципах.

Но в отличие от своего отца, который в конце концов расплатился властью за свои проекты, последнему иранскому шаху свержение, обеспеченное помощью извне, не грозило из-за крепкой и стабильной поддержки, которую иранскому режиму оказывал Вашингтон. Но самая существенная разница между отцом и сыном Пехлеви заключалась в другом. Первый был правителем нищей страны, получающей от Англо-иранской нефтяной компании копейки за концессионное владение нефтяными месторождениями, второй же — руководителем богатого сырьевого государства, власти которого имели достаточно средств для реализации любого амбициозного экономического и политического проекта. Причем проекты эти, ввиду того, что финансировались не реальным сектором экономики, а продажей сырья за рубеж, в своей реализации не нуждались в поддержке традиционных групп населения, с которыми иранские правители в процессе принятия решений общенационального характера в былые периоды вынуждены были считаться: племенные вожди, провинциальная иранская аристократия (ханы, беки и пр.), исламское духовенство и базар.

Тут мы подходим к ключевому моменту иранской, да и не только иранской модернизации — к вопросу стоимости модернизации. *Под стоимостью модернизации мы понимаем ту цену, которую за модернизацию платит реальный и традиционный секторы экономики и общества в целом, члены которого на своих карманах ощущают ту ренту, которая прямо или косвенно изымается государством для проведения реформ. Эта цена создает крепкую и очевидную систему «сдержек и противовесов» между властью и обществом: когда возможности власти для проведения модернизации напрямую связаны с тем, насколько общество готово за эту модернизацию платить. И в этих условиях очень трудно избежать переговоров о планах модернизации, разве что только сделать это в условиях явной тирании (именно так осуществлялись реформы Петра I).*

В условиях же, когда модернизация производится за счет ренты, образующейся от продажи нефти за рубеж, связь между властью и обществом почти теряется, так как власть, овладевшая доходами от нефти, ничего напрямую не отнимая у общества ради реализации своих экономических программ (разве что те же самые доходы, которые в принципе являются национальной собственностью), перестает быть обязанной согласовывать с ним политические решения, обеспечивающие и сопровождающие реформы. И чем больше власть консолидируется в руках правящей элиты, тем менее значимым становится общественное мнение, вне зависимости от того, кто является его носителем — торговец, ремесленник, студент, хан или профессор. Нефть, обеспечивающая власти свободу тратить «свои», а не общественные средства на реализацию тех или иных программ, полностью отрывает власть от реальности общественных ожиданий⁴⁰. Ликвидация же институтов представительства, что сводит на нет возможность политических переговоров между властью и группами интересов, приводит к полному отрыву правящей элиты от общества и традиционных групп. Именно это произошло в Иране в результате «Белой революции» и произошло сугубо по причине того, что Иран был государством-рантье (*rentier state*), в котором власть имела достаточно средств и сил, получаемых «из ниоткуда», для начала коренных преобразований — без достижения по ним консенсуса с основными группами интересов.

Для того, чтобы понять размах крыльев и степень свободы иранских властей в реализации своих экономических программ, надо хотя бы коротко представить, какую свободу в средствах давала Ирану нефть. В течение 25 лет правления шаха, начавшегося с падением правительства Моссадыка в 1953 г., нефтяные доходы Ирана увеличились многократно. Если в 1953 г. они составляли менее *34 млн долл. США*, то в 1973 г. они достигли *5 млрд долл. США*. В 1977 г. из-за резкого повышения цен на нефть *доходы возрасли до 20 млрд долл. США*, а в период 1953–1978 гг. кумулятивный нефтяной доход государства составил порядка *54 млрд долл. США*⁴¹. Как это ни парадоксально, но осторожность и грамотность проведения реформ со стороны Моссадыка были обусловлены тем, что иранский премьер из-за слабости центральной власти и скудости доходов иранского государства вынужден был при принятии важных решений считаться с рисками отсутствия поддержки. Государство-рантье шаха М.Р. Пехлеви перед такой необходимостью не стояло, что привело ко многим необдуманным шагам при проведении реформ.

⁴⁰ Сергеев В.М. «Черные дыры» глобализации // Космополис. — 2004. № 2. С. 11–16.

⁴¹ Abrahamian Ervand. Structural Causes of the Iranian Revolution // MERIP Reports. — 1980. № 87. P. 21–22.

3.4. Модернизация и «новая экономика»

К большому сожалению, никто в цифрах не может определить, насколько эффективной была экономическая политика «Белой революции» как с точки зрения реального роста иранской экономики, так и с позиции увеличения благосостояния иранского общества. И причиной этому является то, что иранская статистика периода «Белой революции» недостоверна: многое говорит о том, что статистика в основном «рисовалась».

Например, в рамках борьбы с «пережитками прошлого» с 1965 г. в Иране начали активно работать в направлении сокращения роста рождаемости. В отчете Национального агентства по семейному планированию за 1966 г. должны были быть опубликованы официальные результаты естественного прироста населения за предыдущий год. Он составлял 3,3 %. Это вызвало протест у замминистра здравоохранения Амира Сардари, добившегося проведения совещания у премьера, во время которого было «решено», что прирост населения составил не 3,3 %, а 2,9 %, что и было опубликовано в отчете⁴². Скорее всего решение по фальсификации данных было принято для того, чтобы не вызвать недовольство шаха. Во многом по этой причине уже в 1970-х гг. иранская тайная полиция САВАК, отвечающая за внутреннюю безопасность и за безопасность режима, установила контроль над выпуском бюллетеней и отчетов со стороны Центрального банка Ирана, посчитав их «представляющими важность для национальной безопасности» документами. Вне всякого сомнения, эти документы такую важность представляли, но их «корректировали» не с целью укрепить страну и минимизировать ее проблемы, а с целью освободить шаха от обязанности знать лишнее и расстраиваться. Ведь шах ничего не хотел слышать ни про экономические проблемы, ни про инфляцию, ни про ухудшение положения тех или иных слоев населения. Типичный пример того, о чем в свое время писал Ф. Хайек: «До тех пор, пока вещи продолжают быть такими, как раньше или по крайней мере есть уверенность, что так оно и есть, они не создают никаких новых проблем, решение которых предполагает появление новых планов»⁴³. Государственная бюрократия фактически в условиях диктатуры шаха начала вести свою собственную политику выживания и процветания: демонстрируя свою лояльность любой ценой, она закрепляла свое место возле огромного пирога нефтедолларовых трат, за которые бюрократия и была ответственна, а это приводило к разгулу коррупции.

Для лучшего понимания ситуации изнутри надо обратиться к ее оценке со стороны бывшего иранского премьера Али Амини: «Когда нельзя делать ошибки (ведь когда ты их делаешь, то сразу теряешь свою должность), никто не будет брать на себя риски. То есть никто ничего не будет делать. Основной проблемой была централизованность власти и невозможность делегировать кому-либо какие-либо полномочия»⁴⁴. В результате централизации власти в руках шаха система государственного управления была практически парализована. Ее хорошей характеристикой стали слова американского дипломата В. Миллера: «Большая часть людей в посольстве и в Вашингтоне верили, что на каждом этапе надо работать только с шахом. Это было правильно... было самым легитимным и

⁴² Amini, Parvin Marat. A Single Party State in Iran, 1975-78: The Rastakhiz Party: The Final Attempt by the Shah to Consolidate His Political Base // Middle Eastern Studies. — 2002. Vol. 38. № 1. P. 135

⁴³ Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // The American Economic Review. — 1945. Vol. 35. № 4. P. 523.

⁴⁴ Khodadad Farmanfarmaian, interview recorded by Habib Ladjevardi, December 7, 1982, Cambridge, MA, «Iranian Oral History Collection», Harvard University, Tape 3.

наиболее легким способом работы. Вариант с наименьшими рисками»⁴⁵. Слабая информированность шаха о реальном положении дел в сочетании с крайней централизацией власти в его руках и создавали постоянную неадекватность мер управления положению дел, так как сложность управленческих решений в современном государстве превосходит возможности одного человека.

Но дело не только в этом. Сложность управленческих решений превосходит также и все возможности одной группы заинтересованных лиц. Наиболее показательной иллюстрацией этой проблемы является ситуация, описанная Парвином Амини в статье, посвященной созданию однопартийной системы в Иране⁴⁶. На конференции, посвященной экономической политике государства и организованной в 1974 г., с докладами выступили премьер-министр Ирана Амир-Аббас Ховейда и руководитель Организации по планированию Абдол Маджиди. Оба представили вызванную нефтяным кризисом 1973 г. проблему инфляции, с которой столкнулся Иран из-за неограниченных государственных расходов, обеспечиваемых гипердоходами от продажи нефти. Оба докладчика выступили с предложением сократить вливание средств в экономику, что приведет к большей макроэкономической стабильности в стране. Во время выступления обоих докладчиков шах полудремал в своем кресле, потом ему принесли чай в золотой чашке и сушеные тутовые ягоды в золотой посуде, которыми шах начал угощать людей, сидящих за столом, не обращая никакого внимания на самих докладчиков. Когда же доклады закончились, шах, как будто не услышавший, что говорили ответственные за экономику лица, выступил с получасовой речью, содержащей приказы и указания, противоположные тем, которых добивалось правительство: построить новые нефтехимические предприятия и заводы, увеличить военные расходы, вложить деньги в атомную энергетику, в бесплатное здравоохранение, обеспечивать бесплатную раздачу еды малоимущим.

Указания шаха в конечном итоге привели к гиперинфляции во второй половине 1970-х гг., которая в свою очередь заставила шаха ввести государственное регулирование цен и контроль над ними. Однако там, где формировались цены на основные продукты, — на базарах, существовавших во многом автономно от государства, — сдерживать цены простыми решениями оказалось невозможно. В борьбу с ценовой политикой базаров вступили полиция, армия и добровольные студенческие отряды, громящие лавки, выволакивающие на улицу торговцев и публично бьющие их 40 раз плетью «за чрезмерную алчность». Для базаров, где отношения между людьми и честность были основой регулирования вопросов торговли, шахская политика по «обеспечению макроэкономической стабильности» оказалась оскорбительной, разоряющей и неприемлемой, что обеспечило союз рынка (несырьевого сектора иранской экономики) и ислама. У этого союза имелись как экономические, так и идеологические обоснования для смены власти.

Что касается экономических отношений внутри страны, то в условиях осуществления огромных инвестиций, которые государство вкладывало в развитие инфраструктуры, в создание новых предприятий и иные амбициозные проекты, бюрократия получила доступ к огромным средствам. Появившийся благодаря модернизации иранский государственный капитализм породил коррупцию, которая стала основным связующим звеном между национальной экономикой и бюрократией. Что касается «новой экономики», которую должна была создать модернизация, то здесь статистика выглядела

⁴⁵ Цитируется по: Summit April R. For a White Revolution: John F. Kennedy and the Shah of Iran // Middle East Journal. — 2004. Vol. 58. № 4. P. 570.

⁴⁶ Amini. Ibid. P. 139–141.

просто пугающе. Так, Ф. Халлидей отмечает, что к 1976 г. 84 % крупных частных предприятий принадлежали 45 семьям⁴⁷. В той же работе Халлидей неоднократно отмечает, что все эти семьи были связаны с властью и имели доступ к огромным государственным средствам.

В условиях отсутствия политической конкуренции и прямой связи между реальным сектором экономики и макроэкономической политикой властей иранская модернизация привела к коррупции, большей стратификации общества и непреодолимому разрыву между интересами составлявших его социальных групп.

3.5. Модернизация и идеология

Иранская «Белая революция» была отмечена кризисом легитимности власти и монархии, к которому привели разгром иранского парламента в 1961–1962 гг., непопулярная политика по изменению социально-экономической структуры общества и критика властей со стороны традиционных слоев населения.

В поисках легитимности иранские власти пошли по традиционному пути многих сырьевых государств — обратились к далекому великому прошлому, истории и идеологии, что в условиях провозглашения модернизации в качестве основного национального приоритета выглядело странно, спорно и во многих своих проявлениях — убого.

Американский исследователь Хутан Шамбаяти, осуществляя сравнительный анализ экономической политики Ирана и Турции, отмечает очень важную особенность политики государств-рантье: «Будучи не в состоянии легитимировать себя через свою повседневную деятельность, элиты сырьевых государств-рантье стараются легитимировать свою власть, используя категории морали и культуры. Ссылаясь на мифы золотых времен, власть старается в них обрести свою легитимность. Естественным же результатом такой политики становится превращение культуры и идеологии в арену противостояния между властью и обществом»⁴⁸. Отмеченное Шамбаяти явление присуще практически всем сырьевым государствам Ближнего и Среднего Востока, в которых экспорт сырья, контролируемый властью или аффилированными с ней группами, составляет основу «национального благосостояния».

Иран с этой точки зрения не был исключением. Идеологическая парадигма «Белой революции» опиралась на несколько основных постулатов, которые без исключения были аргументами в пользу монархии и диктатуры:

- Иранская история началась с создания централизованного государства Ахеменидов, а Кир Великий — могущественный и справедливый монарх — был и остается объектом поклонения иранского народа.
- Основу иранской цивилизации составляли простые люди, которые уважали сильную власть и монарха, правившего во имя их блага.
- Справедливость в иранском обществе пошатнулась из-за архетипов — феодализма в мышлении и в хозяйстве, суеверности народа, потерявшего знание о великих временах, а также, о чем не говорилось напрямую, из-за ислама.

⁴⁷ Halliday Fred. Iran: Dictatorship and Development. — New York: Penguin, 1979. P. 151.

⁴⁸ Shambayati Hootan. The Rentier State, Interest Groups, and the Paradox of Autonomy: State and Business in Turkey and Iran // Comparative Politics. — 1994. Vol. 26. № 3. P. 310.

Для шаха и его интеллектуалов было важным представлять древнейшие времена в качестве передовых и современных.

В 1960–70-е гг. шах с этой целью предпринял серьезные шаги: он добился того, чтобы Первая международная конференция ООН по правам человека была организована в Тегеране в 1968 г.; во время конференции в помпезной обстановке Манифест Кира Великого («цилиндр Кира») был объявлен «первым документом по правам человека». Манифест, в котором Кир провозглашал неприемлемость рабства, насилия над свободой и вероисповеданием покоренных народов, шахом Ирана, тайная полиция которого подавляла любое инакомыслие, организовывала пытки оппозиционеров и просто тех, кто попал под подозрение, был объявлен главным документом, подтверждающим как величие Ирана, так и справедливость и нравственность монархии. Позже иранские власти пошли еще дальше в «установлении» своей прямой связи с великим прошлым, отменив исламский и введя «царский календарь», начинающийся от предполагаемого года воцарения Кира Великого на престоле. В итоге население Ирана в ночь перехода на новое летосчисление заснуло в 1354 г., а проснулось в 2535 г.

Созданием мифов для народа и о народе сопровождался весь ход модернизации. Так, один из авторов «Белой революции», начавшейся с земельной реформы, министр сельского хозяйства Хасан Арсанджани на одной из встреч в марте 1962 г. заявил: «Иранский крестьянин, который, хотя и абсолютно необразован, знает свой национальный эпос наизусть, он полон ума и качеств, которые оставались неиспользованными в течение столетий. Каждый сегмент персидской жизни и все начинания исходят из деревни. Иранский крестьянин – реальный источник для потенциального возрождения Ирана»⁴⁹. Все это косвенно способствовало легитимации «особого пути» иранской модернизации и истории, в которых, якобы, современность и диктатура легко и естественно уживались (явление, присущее многим государствам-рантье постсоветского пространства – Туркмении, Казахстану, Азербайджану и отчасти России).

Сам Арсанджани очень часто повторял шаха в оценке иранской действительности. Крупные и средние иранские землевладельцы назывались ими «феодалами», а дореформенное положение дел в сельском хозяйстве – пережитками Средних или, как говорил Арсанджани, – «темных веков». Проблема была, однако, в том, что ни иранским крестьянам, ни землевладельцам не были ясны понятия «феодализм» и «темные века». А Средние века, которые модернизаторами представлялись в качестве «темного» периода человеческой истории, были временем возникновения ислама, исламской традиции и культуры и ни в иранском, ни в арабском восприятии темными не были.

В рамках предъявляемой народу и миру философии и идеологии модернизации шах отвел себе роль прогрессивного правителя, который борется против феодализма, пережитков прошлого и ведет страну в будущее. Он хотел быть не «демократом», а «революционером», который освободил крестьянство от феодализма и правит современным, образованным, свободным обществом, ведя его к великому будущему – к Великой Цивилизации. Последняя в бытовом своем проявлении должна была напоминать жизнь на Западе, а в политическом и управленческом – традиции древнеперсидской монархии Ахеменидов.

В идеологическом измерении иранская модернизация смотрелась достаточно скромно. Процессы модернизации «нацелили политическую элиту на развертывание

49 Ansari Ali M. The Myth of the White Revolution: Mohammad Reza Shah, Modernization and the Consolidation of Power // Middle Eastern Studies. – 2001. Vol. 37. № 3. P. 9.

фундаментальных изменений иранского общества по образу и подобию самых «продвинутых» секторов общества западного. Для некоторых представителей этой элиты образцом для подражания представлялась, к примеру, Южная Калифорния, со всеми ее соблазнительными атрибутами. Привычки и вкусы, взгляды и образ жизни, даже мечты и утопии новой элиты отличались от тех, что были у остального иранского общества»⁵⁰.

«Модернизм» и «пехлевизм» стали синонимами. Эти два понятия отождествил сам шах для рационализации и легитимации своего нахождения у власти, шах, который считал, что «легенды о древних иранских правителях и их справедливости являются достаточным основанием для того, чтобы, базируясь на старой монархической традиции, построить новую, современную страну»⁵¹.

Открытым остается вопрос: как на эти попытки властей обосновать свою собственную «философию истории» реагировало бы иранское общество, если б они не имели откровенно антиисламского подтекста, — и не на словах, а на деле, так как борьба с «архаикой» стала борьбой против интересов исламского духовенства и слоев, которые с ним были связаны? Причем слои эти имели свой собственный «багаж сакральности», который в отличие от идеологии «Белой революции» шаха имел традиционные экономические основы, проявляющиеся в тесной связи несырьевого сектора иранской экономики и ислама. Речь в данном случае идет об иранском базаре, который в 1960–70 гг. обеспечивал существенную часть несырьевого экспорта и импорта товаров в Иране. Базары, которые составляли основу традиционной иранской экономики на протяжении столетий, простирались в центральных районах крупных городов, занимая до нескольких десятков гектаров территории. Важной особенностью рынков являлось также и то, что торговцы и производители товаров, работающие на базарах, зачастую находились в родственных связях с муллами и аятоллами; символично, что во многих иранских городах главные мечети находятся либо на территории базаров, либо по соседству с ними.

Духовенство зачастую решало торговые споры на территориях рынков, основываясь на постулатах религиозной этики и честности. Базары были и до сих пор остаются центрами социальной жизни в Иране, а их экономическая деятельность с точки зрения регулирования практически свободна от государственной политики: торговцы сами занимаются экспортом и импортом, а для получения ссуд обращаются не к государственным финансовым институтам, а к таким же торговцам. Базар в банки не ходит и за кредитованием в государственные и крупные частные финансовые институты не обращается. В период модернизации это свойство отчасти оставило базары за рамками государственного регулирования торговли и частного предпринимательства.

До того, как шах ни начал впрямую бороться с базаром, базар ощущал на себе (что было косвенным следствием) положительные эффекты от политики последних до Исламской революции лет: приток доходов от продажи нефти существенно влиял на благосостояние рынков. Но когда шах пошел против базара, последний вспомнил как обиды от властей, так и то, что в основе торговой этики и морали лежит не Манифест Кира, а ислам и его мораль. Это определило ключевой союз рынка и религии, создав реальный вызов власти шаха. К этому союзу в дальнейшем примкнул другой класс —

⁵⁰ Tehrani M. Communication and Revolution in Iran: The Passing of a Paradigm // Iranian Studies. — 1980. Vol. 13, № 1/4. P. 7.

⁵¹ Ansari Ali M. The Myth of the White Revolution: Mohammad Reza Shah, Modernization and the Consolidation of Power // Middle Eastern Studies. — 2001. Vol. 37. № 3. P. 3.

студенчество, которое в отличие от базара и ислама, своим происхождением было обязано именно модернизации.

3.6. Модернизация и знание – тупик перемен

Безусловным достижением иранской модернизации стала образовательная политика, проводимая в рамках «Белой революции». Она в действительности позволила Ирану перешагнуть из Средневековья в Новое время.

Иранские власти очень гордились своей «Армией знаний», состоящей из более 70 000 молодых людей, которые на протяжении первых 10 лет «Белой революции», получив образование в городах, уехали в отдаленные районы Ирана для преподавания грамоты⁵². Один из ведущих американских иранистов Ерванд Абрамян в своей статье приводит *Таблицу 2*, вкратце демонстрирующую, что из себя представляла образовательная система Ирана в 1953 г. (к моменту получения шахом власти) и в 1977 г. (накануне Исламской революции).

Таблица 2. Образовательный рост (институты и обучающиеся)⁵³.

Уровни	1953 г.	1977 г.
Университеты (студенты)	4 (14 500)	16 (154 315)
Техникумы (студенты)	36 (2538)	800 (227 507)
Старшие школы (ученики)	527 (121 772)	1741 (741 000)
Средние школы (ученики)	5956 (746 473)	23 476 (4 078 000)

Как видно из *Таблицы 2*, произошедшее в иранской образовательной системе можно назвать прорывом. Безусловно, тут тоже были свои особенности: новый и престижный университет «Пехлеви» был англоязычным, в нем учились в основном дети из имущих слоев, а университет Ширази стал неформальной идеологической вотчиной зороастризма, являющегося идеологической основой концепции возврата к «великим временам». Однако в целом иранская модернизация обеспечила реальный успех в образовательной сфере.

Немаловажным с точки зрения развития образования и системы знаний было также обучение иранских студентов в западных вузах – в США, Великобритании, Западной Германии, Франции, Австрии и т. д. За 1977 г. количество иранцев, обучающихся в западных вузах по полным, специальным и краткосрочным программам, впечатляет – около 100 000 человек⁵⁴. Часть иранцев обучалась за пределами страны за счет госу-

⁵² Ramazani Ruholla K. Iran's «White Revolution»: A Study In Political Development // International Journal of Middle East Studies. – 1974. № 5. P. 132.

⁵³ Abrahamian. Ibid. P. 22

⁵⁴ Amuzegar Jahahgir. Iran: An Economic Profile. – Washington, DC: The Middle East Institute, 1977. P.183.

дарства или государственных фондов, часть — за счет иностранных образовательных программ, а часть — за свой счет, что было возможно из-за увеличения благосостояния части иранского общества.

Однако, несмотря на то, что благодаря модернизации и вниманию шаха к системе образования, система получения знаний в Иране существенно улучшилась, с политической точки зрения это создало для властей серьезные проблемы: студенчество (а также молодые специалисты, уже закончившие вузы), появившееся благодаря модернизации и реформам, сыграло активную роль в свержении шаха-модернизатора. Участие студенчества и образованной части населения в свержении монархии в Иране не менее активное, чем участие базара и исламского духовенства. Причину феномена, когда выигравшие от изменений группы восстают против инициатора и движителя изменений, нужно искать исключительно в характере модернизации. Она была политически реакционной. Улучшение качества жизни и экономические реформы сопровождались ликвидацией существующих институтов политического участия, в результате чего как старые, так и образовавшиеся благодаря реформам новые группы оказались отрезанными от влияния на политический процесс, были лишены возможности донесения своих требований и интересов до власти, которая, в свою очередь, утвердила себя монополистом по определению приоритетов развития страны и общества. Реакционная политическая реформа, отменившая многопартийность и парламентаризм, направила группы, образовавшиеся благодаря экономическим и социальным реформам, в сторону внесистемной борьбы с властью, что сыграло ключевую роль в образовании союза между демократическими силами, базаром, студенчеством и исламом. Исламская революция, тем самым, стала революцией старых и новых групп, отрезанных от государства и власти.

Феноменально, но факт, что образовывая народ и формируя новые классы, элита укрепила базис борьбы против себя же — и это ничто иное, как доказательство несостоятельности модернизации экономической без модернизации политической.

Соблазн проведения аналогий между иранской модернизацией и российской, которая четыре года тому назад была объявлена приоритетным направлением развития страны, велик, поскольку аналогии эти обоснованы.

В то же время иранский и нынешний российский опыты модернизации подводят к ряду вопросов, таких как: 1) Можно ли сделать экономику «островком» модернизации, не задевая политическую сферу? 2) Можно ли использовать сверхдоходы от продажи нефти в качестве источника модернизации? 3) Может ли бюрократия, имеющая легкий доступ к получению природной ренты, быть агентом модернизации? 4) Возможна ли модернизация без развития институтов политического участия и переговоров, приводящих к межгрупповому консенсусу по вопросам национального значения?

На наш взгляд, не выдерживает никакой критики подход, согласно которому иранская модернизация претерпела крах из-за реакционности и консервативности общества (хотя плодами революции и воспользовались крайне консервативные круги). Причины провала иранской монархии и проводимого ею курса модернизации надо искать в реакционности и кризисе легитимности самой власти, которая взяла на себя монополию на формулирование «общественного блага», отказывая обществу в праве самому формулировать и представлять свои интересы.

3.7. Исламская революция

Мы не будем описывать в этом разделе все исторические перипетии революции, так как задача этой работы иная — политологическая. Заметим сразу, что Исламская революция в Иране в 1978 г. представляла большую загадку для политических аналитиков на Западе⁵⁵. Между тем, в свете сказанного выше ничего сложного в объяснении иранской революции нет. Нововведения шахского правительства не подкреплялись соответствующими моральными практиками, политические институты западного типа оказались чисто «фасадными», в стране господствовал полицейский террор, вызывавший недовольство либеральных интеллектуалов, склоняя их к поиску «национального пути». В стране цвела коррупция, т.е. ситуация была очень похожа на недавнее положение дел в Египте или Тунисе. Подобная половинчатость «белых» революций приводит к разрушению легитимности режима, — власть в глазах народа, а часто не только народа, но и влиятельных элитных групп, становится «криминальной», — и легитимность традиции берет верх над легитимностью государственных интересов. Сила традиции, как правило, и является движущей силой того, что можно назвать «черной» революцией.

Основой «черной» революции обычно является реакция на непоследовательность «белой» революции и либо ущербность понимания ее лидерами реального смысла тех преобразований, которые они пытаются проводить, либо утопичность тех социальных конструкций, которые внедряются в процессе «белой» революции.

Наиболее, может быть, ясным примером первого типа являлись уже упоминавшиеся преобразования, проводимые шахом Ирана в 1960-х гг.

Реакция общества на фактический провал «белой» революции может быть быстрой, как в Иране в 1978 г. (в значительной мере это была реакция на огромный социальный разрыв в обществе, возникший после «нефтяного бума» 1973 г.), или замедленной, как в Египте, где Мубарак правил вполне успешно тридцать лет, но конец один — возвращение к фундаментальным традиционным ценностям, как бы с идеологической точки зрения это возвращение не было обставлено.

Та элитная группа, которая пыталась осуществить «белую» революцию, в случае провала предстает в глазах общества как группа, осуществлявшая преступный замысел. Не только новые, только что созданные социальные институты, но и самое главное, поддерживающие их моральные практики объявляются вне закона и полностью искореняются. В результате общество не просто возвращается к «дореволюционному» состоянию. Все те элементы нового, которые развивались эволюционным путем, вся социальная практика, подталкивающая общество к изменениям, оказывается уничтоженной в угоду «моральному фундаментализму» традиции. Общество возвращается не к исходной точке начала преобразований, а к некоей никогда не существовавшей «идеальной традиции», которая является по существу такой же социальной утопией, как и мечты «белых» революционеров, не сумевших реализовать свои планы просто в силу неадекватности применяемых методов.

Революция в Иране начиналась как борьба против светского авторитарного режима шаха, но после короткого периода триумфа иранских иммигрантов из Западной Европы, правительства Банисадра, революция привела к установлению исламской диктатуры

⁵⁵ Kamali Masoud. The Modern Revolution of Iran. — Uppsala, 1995.

Хомейни. Хотя впоследствии режим в Иране существенно смягчился, его фундаменталистская направленность и по сей день остаётся достаточно очевидной.

А ведь начинались события в Иране именно как попытка установления либеральной демократии.

Внимательное рассмотрение ситуации в ближневосточных странах позволяет сформулировать своего рода модель эволюции политической ситуации, общую для этих стран. Революция, начинающаяся под либерально-демократическими лозунгами против авторитарного режима и (в последнее время) использующая для своей победы передовые компьютерные технологии – социальные сети, после формальной победы начинает давать сбои. Как только авторитарный режим оказывается убранным со сцены, на его месте возникает политический вакуум. На политическую ситуацию начинают оказывать влияние настроения наиболее консервативной части населения, которое, просто в силу традиции и уровня образования, не в состоянии воспринять либеральные ценности. Страна в зависимости от её социальной структуры либо погружается в хаос межплеменных конфликтов, как Ливия, либо, как Египет, склоняется к установлению фундаменталистского режима, отказываясь от светского государства. Именно этот процесс и произошел в Иране. Интересно анализировать политику иранских коммунистов – партии ТУДЕ. Коммунисты избрали путь поддержки борьбы аятоллы Хомейни сначала с либеральными, а затем и социалистическими партиями, видимо, по примеру большевиков, надеясь свергнуть власть религиозного руководства, предварительно уничтожив его руками либеральное крыло политического спектра. ТУДЕ сильно просчиталась. За время борьбы с либеральными партиями клерикалы создали весьма мощные независимые от армии вооруженные силы, всецело преданные делу исламской революции – Корпус стражей исламской революции, – и как только покончили с либералами и социалистами, немедленно арестовали ведущих членов ТУДЕ и запретили партию.

3.8. Иран после революции

В настоящий момент, несмотря на режим «фундаменталистской исламской демократии», Иран, безусловно, представляет собой одну из самых развитых стран региона, имеющую множественные предпосылки для политического роста и экономического развития, что говорит об успехе его модернизационного проекта. Несмотря на многочисленные обвинения в адрес Ирана, Исламская республика является государством, политическая и духовная элита которого сравнительно легитимна. Политический процесс и политические отношения в стране выстроены таким образом, что в них включены практически все более или менее значимые и влиятельные в обществе политические силы: в иранском парламенте можно найти представителей реформаторов, умеренных и правых консерваторов, ярых борцов за исламскую этику и требующих ограничения вмешательства государства в жизнь общества. Понятно, что страной правит влиятельная верхушка духовенства, однако между нею и народом существует практически идеально работающая властная пирамида, состоящая из муниципалитетов, парламента, общественных организаций, Совета по целесообразности принимаемых решений, Ассамблеи экспертов и прочих структур, которые, если воспользоваться терминологией политической науки, вполне эффективно занимаются агрегацией и артикуляцией принимаемых в стране политических и экономических решений. Причем пирамида эта состоит из пред-

ставителей всех действующих в стране значимых политических сил и групп интересов, которые благодаря ее наличию не остаются безучастными.

Пирамиду власти в Иране можно назвать идеально работающей именно потому, что она сглаживает большую часть политических и экономических противоречий в стране, в которой проживает больше 70 млн человек, где государствообразующая этническая группа персов составляет всего лишь чуть более половины населения страны⁵⁶, в стране клерикальной, но многонациональной. Сегодня в Иране с трудом можно найти хоть одну конкретную социальную группу, которую власть притесняет и изживает. Таких практически нет, не считая, конечно, те немногочисленные политические силы, которые призывают к свержению режима, установлению демократии западного образца или отделению нескольких провинций и их превращению в самостоятельное тюркское или курдское государство. Межэтнические и межконфессиональные отношения между персами, азербайджанцами и курдами даже отдаленно не напоминают соответствующие отношения между суннитами, шиитами и курдами Ирака, основанные до 2003 г. на единоличном господстве одной группы над другими.

Однако, если рассматривать возможное будущее нынешнего иранского режима, то оно, безусловно, гарантированным считаться не может, и с этой точки зрения иранский режим при многих отличиях все же схож с режимами соседних с Ираном государств: он лишен важной для Востока традиционной легитимности. Религиозные силы пришли к власти благодаря революции, а любая революцией порожденная элита, как показывает исторический опыт региона, такой же революцией может быть свергнута — как это было, к примеру, с властью династии Пехлеви в Иране, которая, казалось бы, очень крепко стояла на ногах в 1977 г., но в 1978–1979 гг. вынуждена была сдать позиции, а потом и власть над страной.

Такой сравнительно схожий подход к проблемам легитимности власти в Иране проводится нами ввиду того, что современный Иран на протяжении уже нескольких десятилетий ведет активную политику, направленную на превращение в регионального лидера, и этот процесс в свое время был приостановлен именно из-за кризиса легитимности, с которым столкнулся иранский шах М.Р. Пехлеви. Кризис, приведший к революции, остановил рост страны, которая имела все шансы превратиться в крупнейшего регионального и глобального игрока.

История модернизации в Иране, предпринятой в 1960-е гг., хотя и обладает многими чертами революционности, была и во многом остается модернизацией европейского типа, затронувшей не только сферу экономики и финансов, но и научную, общественную и образовательную сферы. В Иране национализм также дал импульс бурному росту страны, развитию современного капитализма и индустриализации.

Власть иранского шаха в особенности после того, как он уверенно пошел против духовенства и ислама, традиционно игравших важную роль в жизни народов Востока, оказалась абсолютно нелегитимной. Шахский Иран и «Белая революция» пали в результате консервативной контрреволюции, организованной духовенством, обладающим элементами традиционной легитимности в исламском мире. Между тем, важнейшую роль в осуществлении революции сыграла и иранская молодежь, прежде всего студенчество, которое, казалось бы, от политики иранского шаха и «Белой революции» только выиграло. Поведение иранского студенчества и преимущественно оппозиционно настроенной профессуры в 1978–1979 гг. является практически классическим примером

⁵⁶ См.: Hussein D. Hassan. Iran: Ethnic and Religious Minorities // CRS Report for Congress. — 2007. May 25. 10 P.

и доказательством того, что любая инновация и модернизация, будучи адаптированной обществом, приводит к изменению баланса политической власти. Отсутствие свободного политического процесса в шахском Иране привело к революционному изменению баланса, в достижении которого сошлись интересы консерваторов и порожденного модернизацией и реформами социального класса студентов и молодых специалистов.

Суть и содержание иранских амбиций революция не изменила: Иран должен стать одной из самых развитых стран мира, наука для страны представляет важнейший интерес, страна должна идти по пути индустриализации и имеет все шансы для того, чтобы стать региональным политическим лидером. Просто нынешние правители в реализации своих целей взывают к Аллаху, а бывшие – к арийскому началу избранной персидской нации.

Современный Иран сегодня осуществляет значительные шаги по модернизации экономики страны. Вкладываются огромные деньги в науку и образование, с политической и геополитической точек зрения страна не менее амбициозна, чем шахский Иран. Причем Исламская республика в течение последних двух десятилетий выступила с необходимыми для стран, претендующих на превращение в реальный региональный и глобальный центр, собственными социально-идеологическими проектами, посвященными лучшему благоустройству мира и жизни человека в нем. В 1980-х гг. таким идеологическим проектом стал экспорт исламской культуры, который пришел на смену агрессивному лозунгу экспорта исламской революции, а в 1990-х гг. иранский президент М. Хатами выступил с более глобальным и привлекательным социально-идеологическим проектом диалога между цивилизациями, который должен был служить в том числе и внешним фоном реформ, планируемых иранским президентом у себя в стране⁵⁷.

Не исключено, что скоро Исламская республика станет ядерной державой⁵⁸, еще больше укрепив свои международные и региональные позиции.

На наш взгляд, если в течение ближайших лет не будет внешнего подрыва стабильности Ирана, то Исламская республика станет одним из самых влиятельных центров силы, со сравнительно развитыми индустриальной экономикой и инновационным сектором.

Однако превращение Ирана в региональный финансовый и экономический центр маловероятно, так как:

- Иран находится в открытой конфронтации с США и Израилем, что не только отпугивает крупный мировой и региональный капитал, но и передовые региональные социальные сети. Поддерживая «внерегionalный» статус Израиля, Иран лишает себя возможности стать подлинным центром, обеспечивающим эффективные и недорогие как с экономической, так и с политической точек зрения трансакции в рамках всего региона.

- Закрытость страны, конфликтность в отношениях с Западом, антиизраильские заявления и угрозы иранского руководства, отсутствие крупных иностранных инвестиций в реальный сектор экономики затрудняют развитие современного Ирана. Бюджет ИРИ получает 85 % своих доходов от экспорта сырой нефти за рубеж, а в структуре экспорта страны 80 % – сырая нефть.

⁵⁷ См.: Tazmini, Ghoncheh. Khatami's Iran: The Islamic Republic and the Turbulent Path to Reform. – London: Tauris Academic Studies, 2009. 256 P.

⁵⁸ См.: Саруханян Севак. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М.: Институт Ближнего Востока, 2007. 222 С.

- Практически отсутствует внешнее доверие к стабильности и предсказуемости ситуации вокруг Ирана и в самом Иране, руководство которого во всем, в том числе и в природе притекающего в страну иностранного капитала, видит руку Вашингтона.

- Иран – страна мусульманская, но шиитская, что для преимущественно суннитского регионального окружения Ирана является существенным фактором, ограничивающим привлекательность страны с точки зрения притока финансов и активных социальных групп. Один тот факт, что в Тегеране, где проживает 2 млн суннитов, нет ни одной суннитской мечети, говорит сам за себя.

- Иран – страна густонаселенная (у Ирана огромное население, удвоившееся за последние 30 лет), большая, неравномерно развитая, многонациональная, что таит в себе определенные риски, связанные с возможной децентрализацией и разрушением вертикали власти;

- Иран – страна амбициозная, но иранские амбиции явно противоречат интересам основных региональных стран, как это было на протяжении многих столетий.

Еще одной особенностью Ирана, которая помешает стране превратиться в финансовый, экономический, образовательный центр региона, является то, что Иран – неарабская страна, и это ограничивает возможный приток преимущественно арабского капитала, а языковые различия не позволяют Тегерану оказывать массовые услуги в сфере образования и культурного взаимодействия.

Итак, одной из основных для Ирана проблем, ограничивающих его потенциальный рост в качестве подлинных «ворот в глобальный мир»⁵⁹ в регионе Ближнего Востока, являются следующие:

- Существующая политическая стабильность и легитимность власти обеспечивает стабильное функционирование всей социально-политической системы, однако никак не гарантирует такую стабильность в будущем, в условиях отсутствия в стране четко действующих элементов традиционной легитимности нынешних элит.

- Иран, несмотря на значительные инвестиции в модернизацию экономики и инфраструктуру, остается зависимым от доходов, получаемых от продажи углеводородов. Нефть, обеспечивающая экономический прорыв для страны, является дамокловым мечом, который может нарушить стабильность иранской экономики, если цены на энергетическое сырье резко упадут.

⁵⁹ Андерссон О., Андерссон Д. (ред). Ворота в глобальную экономику. – Москва, 2001.

4. МОДЕРНИЗАЦИЯ И КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Причины интереса к модернизации в арабских странах кроются не только в том, что Ближний Восток и связанный с ним — с точки зрения политического и экономического развития — регион Персидского залива представляют первостепенное значение для мировой экономики из-за огромных ресурсов нефти и газа. Регион интересен также и в связи с рядом других особенностей, таких как быстрый демографический рост, противоречия не только между разными конфессиями, но и направлениями и сектами внутри одной религии, текущие и потенциальные вооруженные конфликты, милитаризация региона. Но, может быть, самая главная особенность региона — перманентный и практически общий для всех региональных стран кризис легитимности власти, непосредственно связанный с модернизацией, проявлением которого стала «арабская весна», сменившая устоявшиеся и кажущиеся долговечными режимы в Египте, Тунисе и Ливии.

Еще одной важной особенностью, присущей исключительно этому региону, является то, что основная региональная сила, обладающая самой развитой экономической, политической, социальной и военной структурой, — Израиль, по сути, является страной внерегиональной. Конфликт Израиля со своими соседями по Ближнему Востоку начался с момента создания еврейского государства и не прекращается до сих пор. Заградительные линии выстроены не только между Израилем, с одной стороны, и Ливаном, Сирией, сектором Газа, Палестинской национальной автономией — с другой. Заградительные линии проходят между Израилем и практически всем арабским миром Ближнего Востока и Персидского залива: отсутствуют дипломатические отношения, экономическое сотрудничество если и существует, то осуществляется опосредованным путем, граждане Израиля имеют право въезжать только в Египет и Иорданию. Более того, степень непризнания Израиля региональными странами доходит до того, что иностранные граждане, имеющие в своих паспортах израильскую визу, либо сталкиваются с проблемами при получении въездных виз в арабские страны, либо им вообще в получении этих виз отказывают.

Кризис легитимности власти и «внерегиональность» Израиля являются основными факторами, которые должны быть рассмотрены в качестве угроз стабильного и устойчивого развития региона, так как именно эти два фактора создают угрозу успешной модернизации, общий фон внутреннего и внешнего недоверия к власти, политике, экономике, бизнесу.

Весьма удивительно, что регион, обладающий важнейшим геополитическим положением, многомиллионным населением, огромными запасами углеводородного сырья, при этом — и это еще одна важная его особенность — не обладает, как это ни странно, ни одними «воротами в глобальный мир», которые по определению являются центрами модернизации и в которых, как известно, концентрируются основные региональные экономические, информационные, научные, транспортные ресурсы и куда стягиваются социальные сети со всего региона, создавая тем самым хорошую основу для межсетевого взаимодействия, которое может сгладить малой и большой важности противоречия между основными акторами регионального политического и экономического процессов.

Благодаря девиантному течению модернизационных процессов кризис легитимности власти присущ почти всем государствам арабского Востока. Рассмотрим неко-

торые из этих стран — те, которые играют важнейшую роль в региональном политическом процессе и в которых «арабская весна» пока еще не произвела фундаментальных общественно-политических изменений.

4.1. Сирийский кризис

Нынешний президент *Сирии* Башар Асад фактически унаследовал власть от своего отца Хафиза Асада, который пришел к власти в Сирии в 1970 г. в результате военного переворота. В Сирии проводилась модернизация турецкого образца — т.е. с подавлением роли политического ислама. Особенность политической власти в Сирии заключается в том, что она, во-первых, светская, а во-вторых, находится в руках немногочисленной религиозно-этнической группы — алавитов. Внутри Сирии позиции организаций, настроенных против режима, таких как, например, Исламское Братство, усиливаются с каждым годом, а страна сегодня переживает распространение радикального ислама. Оппозицию власти составляют в основном исламисты, что стало очевидно в 2011 г., когда государство столкнулось с фактом вооруженного социального протеста и начало использовать армию для подавления революционного движения. Вне зависимости от того, как завершится противостояние власти и оппозиции в Сирии, уже очевидно, что власть алавитов и Башара Асада пошатнулась и имеет все шансы быть сметенной нынешней или будущей оппозиционной волной. Но в Сирии этот процесс натолкнулся на серьезные препятствия. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее. Здесь нужно обратиться прежде всего к составу и структуре населения. 15 % населения Сирии — алавиты, секта, которая до середины XIX века не считалась принадлежащей исламу, а находилась вне его, примерно в таком же положении, как друзы Ливана. В настоящее время алавиты считаются принадлежащими к шиитской ветви ислама, но следует заметить, что религия алавитов окутана плотной завесой тайны. Священные книги недоступны для непосвященных, религиозные церемонии совершаются непублично. Чуть более 10 % населения Сирии — христиане различных течений — католики, несториане, монофизиты, православные. Чуть больше 70 % — арабы-сунниты. Именно эта поликонфессиональность привела к созданию светского государства и способствует тому, что режим Башара Асада ещё держится. И алавиты, и христиане знают, что в случае падения режима Асада (Асад — алавит), алавитское и христианское меньшинства ждёт очень тяжёлая участь. Между тем, по сложившейся в Сирии традиции, вся верхушка сирийской армии состоит из алавитов, а значительная часть интеллигенции и профессионалов, оказывающих поддержку режиму, — из христиан. Следует отметить, что в Сирии существует очень мощная культурная традиция, уходящая своими корнями на много тысячелетий назад, и сирийская интеллигенция — одна из наиболее образованных и профессиональных в арабском мире. Положительным фактором ситуации в Сирии является отсутствие больших нефтяных денег, соответственно, в Сирии нет того вызывающего шок у населения социального расслоения, которое стало причиной революции в Иране. Сирийская оппозиция относительно слаба и разрознена, а проявления дезертирства в армии — ограничены, несмотря на начавшуюся в 2011 г. де-факто гражданскую войну. Члены правительства остаются верны Асаду и не спешат заявлять о переходе в лагерь оппозиции.

Серьезную опасность для режима Асада представляет вовлеченность в конфликт Катара (есть сообщения в прессе об участии спецназа Катара в операциях в Сирии).

Катар располагает огромными финансовыми ресурсами и успешным опытом такого рода вовлеченности в конфликт в Ливии. Не менее серьезной проблемой является активность в Сирии (особенно в Хомсе) террористических групп «Аль-Каиды».

Сирийская армия достаточно велика и сильна – 330 тыс. человек, в стране существует развитая система противовоздушной обороны. По неофициальной информации (канал Аль-Арабия) Россия поставила Сирии комплексы «С-300». Если это так, то планы создания бесполетных зон над Сирией будут существенно затруднены. Так как офицерский корпус армии состоит преимущественно из алавитов, то вероятность иракского сценария, когда генералы практически без боя сдали Саддама Хусейна, представляется маловероятной.

В Сирии нет специфических проблем, связанных с модернизацией страны.

Башар Асад с большими трудами, но все же идет навстречу требованиям оппозиции. В стране прошел референдум по новой конституции, одобренной 89,4 % избирателей. Учитывая тот факт, что в голосовании приняло участие 57,4 % избирателей, принятие новой конституции представляется в достаточной мере легитимным. В реальности, конечно, все зависит от того, каково действительное отношение не проголосовавших за нее. Если сорок с лишним процентов населения активно настроено против режима, то у правительства Башара Асада могут возникнуть серьезные трудности. Хотя принятая конституция и не идеальна, в смысле удовлетворения всех требований, предъявляемых к демократическим государствам, она все же представляет существенный шаг вперед и может привести к установлению реальной многопартийности.

Именно специфическая конфигурация населения и состав вооруженных сил и определили, на наш взгляд, решение России и Китая воспрепятствовать повторению ливийского сценария в Сирии и заблокировать соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН. Визит высокопоставленных российских представителей в Сирию в конце января 2012 г., видимо, укрепил решение Башара Асада идти по пути демократических преобразований в стране.

В марте 2012 г. смягчились позиции США и Лиги арабских стран в сирийском вопросе, Россия и Лига арабских стран согласовали свою позицию по урегулированию в Сирии, Генеральный секретарь ООН направил своего предшественника на этом посту Кофи Аннана со специальной миссией в Сирию. Вся эта совокупность событий давала, как казалось, некоторую надежду на мирное урегулирование в Сирии. Такое урегулирование, однако, было невозможно без искреннего желания сторон, вовлеченных в конфликт.

Рассуждая о перспективах развития революционной ситуации в Сирии, следует заметить, что она выглядит достаточно неопределенно. Для стабилизации ситуации необходимы дальнейшие реальные шаги в направлении демократических преобразований. Только осторожная, но уверенная демократизация режима сможет снизить уровень недовольства суннитского большинства в стране. Уход Асада может привести к распаду политического режима, хаосу и преследованиям в отношении алавитов и христиан. Но малейшее замедление темпов демократических преобразований будет не менее губительным. Необходимо дать реальную надежду на лучшее той части суннитского населения, которая еще не вовлечена в военное противостояние. На наш взгляд, положительную роль в разрешении конфликта в Сирии могло бы сыграть налаживание регулярных неформальных контактов правительства Сирии с представителями оппозиции, находящимися за рубежом. При всей трудности организации подобных контактов их эффект мог

бы быть очень существенным, как в воздействии на сирийских суннитов внутри страны, так и на европейские правительства по-прежнему настроенные конфронтационно по отношению к режиму Асада.

4.2. Ирак и Ливан: кризис многоэтничности

Ирак сегодня можно считать не только самой нестабильной страной региона, но и страной, власть в которой практически не обладает никакой легитимностью. В свое время Саддам Хусейн пытался реализовать в Ираке вариант светской диктатуры, подобной режиму Атаатюрка и экстренно модернизировать страну, пользуясь огромными доходами от нефти. Но ощущение достигнутого могущества вскружило ему голову и подтолкнуло к вступлению в войну сначала с Ираном, а затем, после провала этого плана, потребность в дополнительных ресурсах привела к оккупации Ираком Кувейта, что было роковым для режима Хуссейна решением. Запад был заинтересован в увеличении мощи баасистского Ирака, пока Ирак вел тяжелую войну, ослаблявшую Иран. Но не мог допустить угрозу странам Персидского залива, снабжавшим нефтью весь мир. Две войны в Персидском заливе сломали мощь иракского режима и превратили Ирак в марионеточное государство, занятое внутренними проблемами. Цель, поставленная США и их союзниками в войне против Ирака – превратить страну в витрину демократии и модернизации на Ближнем Востоке, несмотря на многомиллиардные вложения, осталась не выполненной.

Население Ирака, состоящее из трех основных религиозно-этнических групп – шиитов-арабов, суннитов-арабов и курдов, демонстрирует несостоятельность в нахождении общественно-политического компромисса и формировании власти, пользующейся поддержкой населения и основных внешних акторов – США, Турции и Ирана. Нестабильность в Ираке имеет все шансы отразиться на ситуации в соседних странах. Например, известный сирийский фундаменталист Мустафа Насар создал в Ираке одну из самых боеспособных группировок, борющихся против американских сил и шиитов, но сам Насар никогда не скрывал, что основная его и его окружения цель – свержение партии Баас в родной Сирии, что мы и наблюдаем с 2011 г. Испытывающий проблемы с обеспечением легитимности власти Ирак тем самым стал экспортировать нестабильность и кризис власти в соседние страны, в каком-то смысле реализовав принцип «экспорта революции».

В настоящий момент не может быть и речи о превращении Ирака в мотор модернизации арабского востока.

Практически такое же положение у Ливана, который, как и Ирак, переживает серьезный внутренний кризис, обусловленный во многом многоэтничностью и многоконфессиональностью государства: Ливан после гражданской войны не смог преодолеть внутренний кризис, вызванный противостоянием между шиитами, суннитами и христианами. Образовавшиеся в стране союзы сунниты-марониты и шииты-армяне-друзы в любой момент могут распасться, что ввергнет страну в очередную гражданскую войну с вовлечением в нее стран, поддерживающих те или иные стороны внутреннего противоборства: Иран, Сирия, США, Саудовская Аравия, Франция и т.д.

Ливан представляет собой другой классический пример делегитимизации власти, которая уже несколько десятков лет не дает бывшему ближневосточному финансовому и торговому центру восстановить свои позиции. Начавшаяся после убийства ливанского

премьер-министра Рафика Харири в феврале 2005 г. фактическая гражданская война показала, что стабильность в стране являлась мнимой и многое, если не все, держалось на одном человеке. Страна стала ареной противостояния США, Израиля, Ирана, местных христиан, ориентированных на Западную Европу, суннитов, шиитов. В таких условиях говорить об эффективности политических переговоров между противоборствующими силами в качестве механизма достижения компромисса и легитимизации существующей или будущей власти практически не приходится.

Большой урон сравнительной стабильности в Ливане нанесет свержение режима Асада в Сирии и возможная военная операция США и/или Израиля против Ирана, так как такие перспективы ослабят партию «Хизбалла», пользующуюся поддержкой из Дамаска и Тегерана. Ослабление «Хизбаллы» даст уверенность ее оппонентам внутри страны в том, что баланс сил изменился и можно нанести политической и военной силе шиитской партии сильный удар, что ввергнет страну в очередной цикл дестабилизации и гражданской войны.

4.3. Египет после «арабской весны»

Писать про нынешние процессы в Египте и про революцию, свергнувшую власть Хосни Мубарака, довольно трудно ввиду того, что сама революция в Египте еще не завершилась. Очевидно, что страну ожидает активный процесс исламизации политической жизни, проявлением чего уже стали парламентские выборы 2011–2012 гг., в результате которых победу одержали партии исламского толка. Однако большой ошибкой является представление политического ислама в Египте в качестве единого целого: он состоит из разных сегментов политических и конфессиональных сил, с разными идеологическими компонентами и с разным видением как будущего Египта, так и региона и мира. Если «Братья мусульмане» прошли долгий путь формально запрещенной, но на деле более чем официальной политической жизни, смогли трансформировать свои политические и идеологические программы в сторону определенной умеренности и создали базу для ведения переговоров со своими конкурентами, а также внешними силами, то мусульмане-салафиты, получившие в новом египетском парламенте около 1/3 мест, всего этого не сделали, оставаясь в глубоком подполье замкнутыми в самих себе.

Салафизм — одно из самых бескомпромиссных течений в исламе, не признающее возможность достижения согласия с силами, которые, согласно представлениям последователей данного течения, представляют прямую угрозу исламу и исламскому порядку. То, что политическая партия египетских салафитов называется «Ан-Нур», скорее всего, имеет своим истоком двадцать четвертую суру Корана «Сура Ан-Нур» («Сура Света»), в которой Аллах представляет необходимость очищать общество от прелюбодеяния, распространения мерзости и непристойности — на деле и на словах, а также говорит о жестоком наказании, которое получают те, кто отказывается поклоняться Аллаху и следовать его учению. «Сура Ан-Нур» представляет из себя концентрацию постулатов социального порядка ислама, исключаящую всякую неисламскую свободу в обществе, светскость и, хотя прямо об этом и не пишется, многоконфессиональность. Проявлением последнего является заявление одного из лидеров салафизма в Египте Хасана Абу аль-Ашбала, сделанное в эфире египетского телеканала Al-Nas 19 марта 2009 г. о том, что шииты — большой враг ислама, чем евреи. Практически в том же ключе выступают также и другие салафитские лидеры, в последнее время получившие свободный доступ к

арабскому телевидению, благодаря свержению светских режимов в результате «арабской весны» и поддержке, оказываемой им со стороны Саудовской Аравии⁶⁰.

В основе идеологии салафизма лежит специфическое отношение к власти: единственной легитимностью, существующей на земле, они называют легитимность Бога, которую последователи салафизма должны отстаивать при любой внутренней и внешней угрозе⁶¹. Салафизм, тем самым, — течение борьбы и сопротивления, исповедующее унификацию общества в терминах радикальной исламизации.

Салафизм, несмотря на успех во время парламентских выборов в Египте, до сих пор является «темной лошадкой» во многом по причине того, что салафиты отступили от своего решения активно бороться за пост президента Египта, фактически оставив его представителям «Братьев мусульман». Однако в ближайшем будущем следует ожидать расширения сферы деятельности салафитов в Египте, в особенности с учетом того, что почва для этого имеется. Дело в том, что салафизм — больше, чем любое другое направление ислама, ориентирован на поиск «внутренних врагов» и пока еще мало зациклен на глобальных вопросах. А поиск «внутренних врагов» — важный этап в развитии постреволюционной ситуации в любой стране: он декларируется в качестве борьбы с врагами изменений, но в действительности является борьбой с конкурентами за власть и приводит к фактической ликвидации последних. По всей вероятности, салафиты в ближайшие годы именно ликвидацией конкурентов и будут заниматься. Самих конкурентов можно разделить на несколько групп:

— Светская элита страны, живущая в оазисах модернизации и выступающая за демократизацию страны по образцу современных светских государств.

— Копты и шииты (в меньшей степени), имеющие традиционно хорошо развитые социальные сети взаимодействия.

— Умеренный политический ислам, который в реальной плоскости готов признать за этно-конфессиональными меньшинствами право на полноправное существование в Египте, за частью общества — право на секулярность и условно свободный образ жизни.

* * *

В мировой практике модернизация особенно успешно осуществляется при наличии в регионе «глобальных ворот»⁶². А то, что такие «ворота» в Персидском заливе должны возникнуть, нам представляется не только очевидным, но и необходимым условием хотя бы частичной стабилизации ситуации и интеграции региона в глобальную экономику и глобальные процессы. Альтернативой появления такого центра может быть только дальнейшая дезинтеграция, нестабильность, отток капитала, а также отсутствие формата полноценной арабо-израильской кооперации, что ознаменует вечное противостояние между двумя сторонами самого значимого на протяжении последних десятилетий регионального конфликта.

Однако в регионе существуют государства, которые с разным успехом смогли решить вопрос легитимности власти и проблему модернизации, используя для этого совершенно

⁶⁰ Dagher Sam. Arab Media Clash Over Syria // The Wall Street Journal. — 2012. 24 March.

⁶¹ Wight, Colin. (2009). Theorising Terrorism: The State, Structure and History // International Relations. — 2009. № 23 (1), P.104.

⁶² Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации. — М.: Полис, 2007. № 2. С. 18–30.

разные механизмы – консенсус между региональными элитами, мобилизацию элиты и общества вокруг вечно актуальной религиозной идеологии. Эти страны – ОАЭ, Катар, Кувейт, – обладающие значительным ресурсом внутренней стабильности, имеют шансы стать новыми региональными центрами, стягивающими не только региональный, но и межрегиональный капитал, обеспечивающими надежность транзакций между влиятельными социальными сетями нефтеносного и богатого региона. Но до того, как перейти к вышеназванным странам, мы коротко обратимся к крупнейшему государству Залива – Саудовской Аравии, играющей важную роль в региональной и международной политике.

4.4. Саудовская Аравия – границы стабильности и роста

Саудовская Аравия – типичная сырьевая страна, около 75 % доходов бюджета которой обеспечивается за счет нефтяного сектора. На этот сектор приходится 45 % ВВП страны. Безработица в стране доходит до пугающего уровня: согласно местным данным, безработными являются 13 % населения, согласно международным источникам – 25 %. Большая часть женщин не работают вовсе. А население страны, которое уже перевалило за 28 млн человек, растет в год почти на 1,5 % – на более чем 400 000 человек ежегодно⁶³. Объемы производимой в Саудовской Аравии нефти с каждым годом будут сокращаться, что вкупе с вышеотмеченными особенностями страны, а также неопределенностью цен на нефть может привести к серьезным социальным, а следовательно, и политическим катаклизмам. Правящая в стране династия Саудитов, верхушка которой состоит из семейств 44 сыновей основателя монархии Абд аль-Азиза, хоть и узаконила свою власть в 1992 г., приняв Основной закон королевства, закрепляющий доминирующие позиции правящей элиты, – традиционной легитимностью, как почти все региональные элиты, не обладает. Данный факт отражается и на идеологических основаниях власти, которая на протяжении всей своей истории мечется между арабским национализмом и исламом. В результате идеология эта состоит во многом из взаимоисключающих друг друга компонентов: Король, Бог и Нация⁶⁴. Система, во многом напоминающая российскую «Православие, Самодержавие, Народность», которая позволяла абсолютной монархии в России подавлять инакомыслие, культивировать особость страны и народа и вести завоевательные войны за освобождение угнетенных православных народов.

Тема устойчивости политического режима в Саудовской Аравии мало обсуждается в СМИ, которые принято называть мировыми. Мы не увидим статей в журнале «The Economist» и сюжетов на ВВС, посвященных этой стране.

Причина этого, на наш взгляд, довольно проста – даже легкий намек на социальную напряженность в Саудовской Аравии, производящей более 400 млн тонн нефти в год, приведет к резкому росту цен на «черное золото».

Между тем, политическая и социальная ситуации в Саудовской Аравии не выглядят безоблачными. Детонатором, способным разрушить хрупкое равновесие, являются мигранты, которых, по официальным данным, насчитывается 5 млн человек, а по неофициальным, – в два раза больше. Проблема состоит в том, что они, подобно многим

⁶³ Background Note: Saudi Arabia – US Department of State. 2011. Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3584.htm> (last accessed 05.05.2012).

⁶⁴ Madawi al-Rasheed. God, the King and the Nation: Political Rhetoric in Saudi Arabia in the 1990s // Middle East Journal. – 1996. Vol. 50, No. 3, pp. 359-371

мигрантам из Средней Азии в России, лишены гражданских и политических прав. При этом экономическая сила и роль мигрантов в жизни Саудовской Аравии увеличивается: теперь они не только выполняют низкоквалифицированную работу, но и обеспечивают квалифицированным трудом значительную часть торговли, сервисную индустрию и строительство, финансовые институты. Все это накладывается еще и на специфический бедуинский менталитет (племена бедуинов, по сути, и есть политическая элита Саудовской Аравии), в котором ценность труда ничтожно мала по сравнению с воинской доблестью, и более того, физический труд является неподобающим занятием. Власть в стране принадлежит Саудовскому дому, насчитывающему тысячи принцев (результат многоженства правителей), которые разделены на соперничающие фракции. Все это в совокупности делает политическую систему страны крайне неустойчивой. Большой проблемой для страны является доминирующая роль религиозного образования над светским: 3 из 7 основных университетов страны являются университетами религиозными, учебники истории страны полны религиозной риторики и, что интересно, в них ни слова нет об истории местной шиитской общины, сыгравшей важную роль в политической и экономической жизни территории^{65,66}.

Своеобразная саудовская система всеобщего благосостояния, заключающаяся в перераспределении нефтяных доходов между коренным населением (бедуинами — около 4 млн человек) и жителями оазисов (порядка 20 млн человек) взамен на лояльность к правящей верхушке, не затрагивает мигрантов.

К чему привела схожая модель легитимации режима в Ливии, мы могли наблюдать в недалеком прошлом. Большое количество мигрантов и племена, находившиеся на периферии системы ливийского welfare, стали катализаторами недовольства, что и привело к свержению режима полковника Кадаффи. Чтобы предотвратить нежелательное развитие событий, Саудовское правительство вкладывает огромные деньги в модернизацию страны. Но результаты этих усилий оказываются достаточно скромными: по существу ничего, кроме нефтеперерабатывающей промышленности и банковского бизнеса, развить не удалось. Рост числа университетов не привел, в отличие от Ирана, к созданию национальной научной элиты, имеющей международный престиж.

Весь вопрос относительно повторения ливийского сценария со всеми вытекающими отсюда последствиями в Саудовской Аравии состоит в том, сколько нужно еще мигрантов, чтобы их недовольство своим положением в стране спровоцировало беспорядки? Смогут ли постоянно конфликтные отношения Саудовской Аравии с шиитским Ираном политизировать шиитов, которых в стране насчитывается больше 3 млн? Какова будет реакция Запада в случае повторения ливийского сценария? Что выберет Запад: поддержать «прогрессивных» повстанцев или саудовский режим, обеспечивающий разумную цену на нефть?

Между тем надо отметить, что не вполне понятной является готовность властей Саудовской Аравии реформировать страну, в условиях, когда уже в 1970-х гг. стало очевидно, что ни власть, ни традиционная элита к реформам не готовы. Сегодня мало кто помнит, что король Фейсал (1964—1975) уже предпринимал попытку реформировать страну и привлек для этих целей американских советников⁶⁷. Даже в условиях слабой

⁶⁵ Prokop Michaela. Saudi Arabia: The Politics of Education // International Affairs. — 2003. Vol. 79, № 1. P. 79—81.

⁶⁶ Про шиитскую общину Саудовской Аравии и ее историческую роль см.: Ende Werner. (1997). The Nakhāwila, a Shiite Community in Medina // Die Welt des Islams. — 1997. Vol. 37. № 3. P. 263—348.

⁶⁷ См.: Halliday Fred. Arabia Without Sultans. — Harmondsworth: Penguin, 1974.

оппозиции внутри страны он не рискнул тронуть реформами традиционные аспекты саудовской жизни, отлично понимая, что любые фундаментальные изменения в стране смогут поднять против него силу сопротивления традиционных аристократических семейств, в условиях арабской действительности напоминая хорошо организованные социальные сети. Глобально реформы Фейсала затронули незначительный сегмент социальной жизни, например правящему классу было рекомендовано отправлять своих детей в ведущие западные вузы, что, очевидно, социальную систему страны коренным образом изменить не могло.

В нынешних же условиях о потенциале и ресурсах для проведения реформ и говорить не приходится: власти пытаются всеми силами сохранить то, что уже есть, и стараются обезопасить себя, подавляя революционные движения в Бахрейне и Катаре, чтобы те вдруг не перекинулись на Саудовскую Аравию.

4.5. ОАЭ. Полиархическая власть и экономическая модернизация

Одним из редких исключений для региона Ближнего Востока — как с точки зрения легитимности власти, так и особенностей развития экономики — являются *Объединенные Арабские Эмираты*, представляющие собой государство федерального типа, с довольно развитой экономической и политической инфраструктурой. Семь эмиратов, которые и образуют объединенное государство, довольно удачно представляют основные региональные элиты в системе распределения власти, что существенно смягчает социально-политические противоречия внутри страны. Наличие семи практически независимых от центральной власти эмиратов придает политическому и экономическому процессу страны полиархический характер, когда принятие важнейших для основных экономических и политических акторов (а они в ОАЭ в основном тождественны друг другу) решений достигается путем межгруппового компромисса.

ОАЭ, с естественными особенностями, присущими восточным странам, являются полуторанзакционной и полусырьевой экономикой, основанной на предоставлении самых разных услуг. Отметим, что сфера услуг обеспечивает около 46 % ВВП страны, а из 53 % доли промышленности 25 % приходится на нефтяной и газовый секторы⁶⁸. Страна во многом продолжает зависеть от экспорта нефти, несмотря на либерализацию экономической, налоговой и финансовой сфер, которая в целом и привела к незначительным качественным изменениям с точки зрения развития местной промышленности и реального — не нефтяного — сектора экономики: индустриальной и тем более постиндустриальной экономику ОАЭ не назовешь. Ставшие независимыми только в 1971 г. ОАЭ сделали попытку — время покажет, удачную или нет — перепрыгнуть из почти феодальной и патриархальной фазы экономического развития в постиндустриальную, минуя индустриальную фазу. Такого рода скачок был обеспечен исключительно наличием в распоряжении местных властей огромных финансовых ресурсов, получаемых от продажи нефти.

Во многом именно благодаря этим деньгам современная экономика ОАЭ имеет свои особенности, отличающие ее от экономик развитой части мира. Современные мировые финансовые и экономические центры превратились в таковые благодаря долгому

⁶⁸ CIA Factbook. 2011.

пути развития и получению исключительных преимуществ в период индустриализма – естественной фазы развития современного капитализма. Преимущества эти были достигнуты среди прочего – о политической составляющей мы не будем говорить – благодаря развитию образования и науки, которые не только во многом обеспечили экономический прорыв, но и превратили нынешние финансовые, экономические и политические центры в место притяжения передовых социальных сетей со всей планеты. Сегодня научная и образовательная система стран-лидеров мировой экономики является фактором, во многом обеспечивающим это лидерство.

Если же обратиться к экономике ОАЭ, то мы увидим совершенно иную картину. Огромные нефтяные деньги позволили Эмиратам не только перепрыгнуть фазу индустриализма, но и стать крупным мировым хабом без особого внимания к образовательной и научной сфере, иначе говоря, сфере знания. Сегодняшняя статистика говорит сама за себя. Затраты на образование в ОАЭ составляют всего лишь 1,3 % от ВВП. В то время как в *Великобритании* они составляют 5,6 % от ВВП, в *США* – 5,3 %, в *Японии* – 3,5 %, в *России* – около 4 %, во *Франции* – 5,7 %, в *ЮАР* – 5,4 %. ОАЭ, ВВП которых на душу населения превышает 37 000 долл. США, по затратам на образование качественно отстают от таких региональных стран, как *Иран* (5,1 %), *Иордания* (4,9 %) и даже разьедаемого гражданскими войнами *Ливана* (2,7 %) ⁶⁹.

Количество вузов и образовательных учреждений в ОАЭ также низкое, а уровень грамотности в стране не достигает 80 %, что довольно плохой показатель для стремящейся стать крупнейшим мировым центром страны. Фактически, в сегодняшних ОАЭ не существует фундаментальных основ для развития инновационной экономики, в то время когда именно она рассматривается в качестве одного из важнейших факторов обеспечения глобальной конкурентоспособности общества. Причина такого состояния дел, скорее всего, сводится к тому, что сам факт адаптации и развития инноваций является глубоко социальным и неразрывно связан с общей способностью социума к изменению. Причем на реализацию этой способности влияют и такие факторы, как институциональная среда, политическая культура общества, уровень развития человеческого капитала, степень доступа к имеющимся знаниям. По всем этим показателям ОАЭ значительно отстает не только от ведущих стран мира, но и, скажем, от Сингапура и Малайзии, общественная и культурная среда в которых больше подходят для адаптации к требованиям современного постиндустриализма и его ценностной базы. Вряд ли каждый обыватель, посетивший Сингапур, сможет сказать вам, какую религию практикует население этой страны, но каждый посетивший Дубай, скорее всего, сразу же заявит, что ОАЭ – мусульманская страна. Консервативность страны проявляется в существовании архаичной правовой системы, в отсутствии реальной мультикультурности в общественной жизни и свободы выбора образа жизни, да и в простых ограничениях на свободную продажу алкогольных напитков. В этих условиях, очевидно, говорить о готовности социума и политической власти к принятию и адаптации инноваций и знаний не приходится.

С учетом изложенного выше не кажется странным, что ОАЭ стали региональным хабом исключительно по ограниченному количеству показателей. Прежде всего, это финансы, торговля, транспорт (аэропорт Дубая – один из крупнейших в мире). Притяжение страны для внешних акторов также соответствующее – финансовый и торговый

⁶⁹ Данные на основании CIA World Factbook. 2008. Были взяты данные 2007 г. (до кризиса), когда из-за финансовых трудностей не были сокращены социальные расходы.

капиталы. А это недостаточное условие для превращения в реальный региональный и, тем более, глобальный центр.

Тут важно подчеркнуть еще несколько особенностей ОАЭ, которые будут мешать стране стать главным игроком в регионе:

- Практически полное отсутствие региональных политических амбиций. ОАЭ не принимает активного участия в региональных политических процессах, не играет существенной роли в решении региональных конфликтов и противоречий. Руководство страны, может быть, сознательно лишило себя такого рода амбиций, учитывая, что авторитет эмиров страны в мусульманском мире ничем, кроме финансовых возможностей, не подкреплён.

- ОАЭ стали финансовым и торговым центром не столько для Ближнего Востока, сколько для Персидского залива и крупных или быстрорастущих экономик Дальнего Востока, Европы, Юго-Восточной и Южной Азии. Основными внешнеторговыми партнерами ОАЭ являются такие страны, как Япония, Индия, Таиланд, Китай, Южная Корея, США⁷⁰. Вышеперечисленные страны доминируют также и в свободных экономических зонах ОАЭ, производят в стране сборку и дешевую продажу бытовой и иной техники.

- Инновации как важный фактор развития экономики, имеющий существенное значение в функционировании современных мировых центров, в стране практически отсутствуют.

- ОАЭ являются, среди прочего, крупнейшим «черным рынком» в регионе. Это во многом обусловлено как чрезмерно либеральным характером экономики, так и тем, что в страну, представляющую в первую очередь финансовый и торговый интерес, стягиваются региональные социальные сети, контролирующие крупные финансовые ресурсы и имеющие зачастую ярко выраженные политические пристрастия и невыгодную с точки зрения требований современной транзакционной экономики идеологию. В ОАЭ проходят операции по незаконной торговле оружием, а в начале 2000-х гг. Дубай использовался отцом пакистанского ядерного оружия А.К. Ханом как перевалочный пункт для продажи технологий обогащения ураном. Дубайский «черный рынок» бьет по такому важному фактору, как наличие политического доверия к стране, необходимому для ее превращения в надежный глобальный центр.

- Находясь очень далеко от Израиля и не будучи непосредственной стороной в арабо-израильском конфликте, руководство ОАЭ закрыло страну для притока израильского капитала, для граждан Израиля и иностранцев, имеющих в своем паспорте израильскую визу.

Все вышеперечисленные факторы мешают Эмиратам превратиться в реальный региональный и глобальный центр. В то же самое время Эмираты сталкиваются с той же внешней угрозой, что и другие страны Персидского залива: усиление позиции и влияния Ирана и растущие внешнеполитические претензии последнего.

⁷⁰ The U.A.E.'s Top Global Trade Partners. 2011. – US-UAE Business Council. Режим доступа: www.usuaebusiness.org (last accesses 05.05.2012).

4.6. Кувейт, Катар и Бахрейн в плену у геополитики

Интересным образом складываются отношения внутри и вокруг маленьких государств Персидского залива, которые, с одной стороны, обладают значительными природными ресурсами нефти и газа, с другой, несмотря на свою географическую малость, играют важную роль в обеспечении военно-политического баланса в регионе. Последний фактор непосредственно отражается на внутренних процессах в этих странах, так как обусловленная геополитической значимостью этих стран поддержка извне обеспечивает сравнительно устойчивую внутривнутриполитическую стабильность, что, в свою очередь, снижает эффективность внутреннего протеста и уменьшает желание властей провести реформы внутри страны.

Несмотря на то, что Кувейт — старейшая страна в регионе с выборным законодательным органом, страна управляется эмиром и представляет собой классическую монархию, в которой законодательный орган создан скорее для обсуждения и утверждения решений, принимаемых эмиром, нежели для реальной законодательной деятельности. После Исламской революции 1979 г. в Иране и оккупации Ираком в 1991 г. Кувейт стал играть ключевую роль в региональной и международной политике. После 1979 г. в самом Кувейте, в арабских странах и в США стали опасаться того, что Иран попытается использовать достигающую 30 % населения шиитскую притесненную общину страны для организации исламской революции в Кувейте. Предпосылок для этого было немало, главная из которых: шииты были лишены возможности активного участия в политической и экономической жизни страны, которая, несмотря на значительное шиитское население, оставалась исключительно суннитской. Отношение же к шиитам было обусловлено не только конфессиональным фактором, но и национальным: в Кувейте многие считали и считают, что местные шииты — этнические персы, несмотря на то, что сами шииты называли и называют себя арабами и говорят на арабском языке⁷¹. Активное участие шиитов в сопротивлении иракским оккупационным властям и армии в 1991 г. значительно изменило отношение кувейтских властей к местным шиитам, которым после 1991 г. были предоставлены политические права и свободы, хотя до сих пор их участие в политической жизни страны является минимальным, а в системе государственного управления представители шиитского меньшинства практически отсутствуют.

Обусловлено это, как это ни парадоксально, тем, что именно в 1991 г. шииты продемонстрировали удивительную организованность в борьбе с иракскими вооруженными силами: оказалось, что за годы существования в подполье шиитские организации институционально преуспели, смогли создать отличную систему и сети взаимной поддержки. В отличие от суннитского правящего большинства, которое в социально-сетевом взаимодействии не нуждалось ввиду своей непритесненности и правящего положения. Именно высокую сетевую организацию шиитского меньшинства, на наш взгляд, надо рассматривать в качестве основной причины торможения политических реформ и либерализации в стране, так как, в случае если они будут осуществлены, в конкурентной политической системе шансы шиитов на успех в борьбе будут намного выше, чем у суннитов, несмотря на то, что последние составляют большинство населения. То, что в свое время произошло в Сирии, в которой к власти благодаря высокой сетевой самоорганизации пришли алавиты, составляющие всего лишь 7 % населения и

⁷¹ Meyer Katherine; Rizzo Helen; Ali, Yousef. Changed Political Attitudes in the Middle East: Case of Kuwait // International Sociology. — 2007. № 22. P. 299—301.

выигравшие в политической борьбе за власть у суннитов-арабов, составляющих около 70 % населения.

То, что Кувейт на либерализацию политической системы не пойдет, во многом обусловлено и той поддержкой, которую стране оказывают Саудовская Аравия и США: после 1991 г. стало очевидно, что Кувейт и суннитская монархия будут защищены Вашингтоном и Эр-Риядом при любом раскладе, так как эта маленькая страна Персидского залива, наряду с Катаром и Бахрейном, является «воротами» Ирана в регион, которые надо при любых обстоятельствах держать закрытыми.

Катар является государством, во многом похожим на Кувейт, как по форме правления, так и по характеру торгово-экономических отношений⁷². Его основной отличительной чертой можно назвать то, что власть монарха практически не ограничена: несмотря на то, что в 2007 г. в стране было решено провести первые выборы парламента, они были отменены, а эмир — абсолютный монарх, сам назначил всех членов парламента (Консультативной Ассамблеи). Под влиянием «арабской весны» власти на 2013 г. назначили первые всеобщие парламентские выборы, однако до сих пор не очень ясно, как они их будут проводить: — в условиях, когда Саудовская Аравия — основной партнер Катара, готова, как в случае в Бахрейном, помочь властям избежать либерализации экономической системы, а США до последнего будут поддерживать абсолютную власть катарского прозападного и антииранского монарха. Между тем надо отметить, что Катар сегодня проводит определенную модернизацию части социальной системы, которая призвана укрепить роль страны в регионе и в мире: в стране создана одна из лучших телекомпаний в мире — «Аль-Джазира», открыты филиалы лучших университетов мира, созданы условия для привлечения в страну специалистов с целью развития медицинской и инженерной области. Не имея больших геополитических претензий, Катар имеет конкретные региональные интересы, направленные на превращение страны в просвещенную, но абсолютную монархию с развитой сферой образования, масс-медиа⁷³ и оказания услуг⁷⁴. В условиях военной и политической поддержки со стороны Саудовской Аравии и США власти успешно контролируют страну и не сталкиваются с угрозой прямой или косвенной внешней агрессии. Единственное, что грозит Катару — внутренние перевороты, достаточно традиционные для страны, которые, однако, курс развития страны вряд ли изменят, так как на практике они приводят исключительно к смене одного представителя правящей семьи и класса на другого представителя, меняющего детали, но не направление государственной политики.

Другая страна региона — Бахрейн — больше остальных подвержена политическим катаклизмам. Несмотря на то, что в 2011 г. саудовская армия смогла подавить попытку революции в стране, кризис легитимности власти в этом государстве никуда не исчез и, по всей вероятности, вскоре даст новые практические результаты. Правящее в стране суннитское меньшинство не пользуется поддержкой шиитского притесненного большинства, составляющего около 75 % населения, а также не имеющих гражданских прав мигрантов из Ирана, занятых строительным и торговым бизнесом в стране. Бахрейн в каком-то смысле стал жертвой своей политики по модернизации страны и превращения ее в крупный торговый и транспортный хаб: политически страна управляется суннитами, но бизнес и торговля в стране традиционно развиваются шиитами. После появления

⁷² Chrystal Jill. Coalitions in Oil Monarchies // Comparative Politics. — 1989. Vol. 21. № 4. P. 427—443.

⁷³ Frank, Lone. Qatar Taps Wells of Knowledge. Science // New Series. — 2006. Vol. 312, № 5770. P. 46—47.

⁷⁴ Peterson J.E. Qatar and the World: Branding for a Micro-State // Middle East Journal. — 2006. Vol. 60. № 4. P. 732—746.

дефицита рабочих рук и специалистов бахрейнский бизнес стал привлекать иностранцев, и им оказались шииты из Ирана и Ливана, с которыми у большинства населения Бахрейна есть конфессиональная и этническая общность, что облегчает взаимопонимание и процесс ведения дел. В итоге основной частью мигрантов в стране являются шииты, что еще больше осложняет политическое положение в стране и заостряет кризис легитимности власти.

Итак, все три страны – Кувейт, Катар и Бахрейн, – несмотря на определенные различия, имеют много общего. Главным из этого общего мы назвали бы значимость этих стран для геополитических и региональных интересов США, что обусловило безоговорочную поддержку, которую Вашингтон оказывает этим авторитарным государствам. К чему эта политика поддержки приведет в дальнейшем – открытый вопрос. Однако очевидно, что не к созданию легитимных политических систем. Скорее, параллельно усилению Ирана в регионе, власть в малых странах Залива станет более авторитарной, а поддержка со стороны США – более системной⁷⁵.

4.7. Иордания. Потенциал для модернизации и роста

На наш взгляд, именно Хашимитское королевство Иордании, при определенных условиях, может претендовать на превращение в региональные «глобальные ворота». Ниже рассмотрим некоторые особенности этой страны, которые на сегодняшний день дают ей практически абсолютные преимущества по сравнению с ее соседями.

Даже самые ярые критики монархии в Иордании редко оперируют лозунгами о нелегитимности власти правящей династии. Ведь Иордания сегодня – единственная региональная страна, элита которой обладает полноценным ресурсом традиционной легитимности. Появление династии Хашимитов, как считается во всем исламском мире, связано с Хашимом Аль-Манафом, прадедом основателя ислама пророка Мухаммеда, а сегодняшние Хашимиты считаются единственными прямыми потомками Пророка. Хотя в период 1920–1950-х гг. прямая связь с самим пророком не помогла Хашимитам сохранить полученную в результате и после распада Османской империи власть в Хеджазе, Сирии и Ираке, династия эта в Иордании выжила в самый трудный период подъема революционного движения на Ближнем Востоке. При этом она, втянувшись в долгий конфликт с Израилем, смогла все же не попасть под влияние и контроль поддерживающего многие арабские страны СССР.

Во многом это было обусловлено прямой финансовой и экономической поддержкой Саудовской Аравии, а также географическим положением страны, отсутствием у нее значительных природных ресурсов, которые сделали бы международную и региональную борьбу за контроль над ней более последовательной и жесткой. Но, на наш взгляд, именно особенности правящей в стране элиты стали фактором, сдерживающим усилия арабских националистов, социалистов, экстремистов по свержению правящей иорданской династии. Причем, с упадком светского революционного движения на Ближнем Востоке, которое никогда не отличалось симпатиями к традиционной власти, и с ростом исламского экстремизма в качестве основной революционной силы в регионе

⁷⁵ Pollack M. Kenneth. Securing the Persian Gulf: Washington Must Manage Both External Aggression and Internal Instability // The Brookings Review. — 2003. Vol. 21. № 2. P. 18–22.

власть Хашимитов только укреплялась, так как с позиции любой исламистской организации свержение законных потомков основателя ислама было лишено необходимого идеологического обоснования.

После подписания перемирия между Иорданией и Израилем в 1994 г. элита страны обезопасила себя также и заинтересованным участием США в сохранении стабильности в стране. Фактически, сегодня Иордания является редкой на Ближнем Востоке страной, которая имеет значительный внутренний и внешний ресурсы как для традиционной, так и для рациональной легитимации правящей монархической элиты, что качественным образом отличает ее от других стран региона. В том числе и от ОАЭ, где стабильность и легитимность власти обеспечиваются консенсусом элит, входящих в фактическую федерацию Эмиратов, и от Ирана, в котором действует довольно эффективно работающий механизм сдержек и противовесов, дающий всем основным политическим акторам возможность с разным успехом защищать собственные политические, социальные и экономические интересы. Такая особенность Иордании может и должна быть рассмотрена в качестве фактора, который обеспечивает и будет обеспечивать долгосрочную стабильность власти в стране. Более того, существует точка зрения, согласно которой наличие легитимности у авторитарной власти может предоставить последней лучшие шансы для стабильной демократизации общества⁷⁶. С этой точки зрения Хашимитское королевство Иордании имеет хорошие шансы на бескровную и устойчивую демократизацию и либерализацию политической и экономической сфер.

Примечательным фактом, говорящим об особом положении Иордании, является то, что страна эта в 1994 г., то есть сравнительно недавно, сделала практически то же, что сделал Египет в 1978 г. в Кэмп-Дэвиде: подписала мирное соглашение с Израилем. По прошествии около 30 лет с момента подписания израильско-египетского мирного соглашения и нормализации отношений между этими двумя странами Египет не перестает быть объектом критики за предательство арабских интересов. Причем критики не только внешней, но и внутренней, исходящей со стороны влиятельных в обществе исламистских организаций, которые из-за недемократичности политического процесса в Египте до свержения режима Хосни Мубарака не имели доступа к политической власти. После свержения режима Мубарака израильское дипломатическое представительство одно из первых подверглось атаке со стороны группы исламистов, что, в общем и целом, не было осуждено египетским обществом. Вместе с тем иордано-израильский мир, на первый взгляд, мало кого волнует как внутри страны, так и за ее пределами, хотя данное мирное соглашение с точки зрения ослабления арабской солидарности представляет не меньшую важность, чем соглашение, подписанное между Египтом и Израилем.

Ошибочно полагать, что особенности династии и только они помогают Хашимитам избежать гнева и мести исламистских организаций: тут можно вспомнить иорданского короля Абдаллаха ибн Хусейна, который был убит в 1951 г. (правда, убит был светскими террористами из Палестины) из-за своей проанглийской ориентации. Позиции современной Иордании особенно сильны из-за еще одного важного обстоятельства, повышающего международную значимость страны и ограничивающего свободу действий арабских террористических организаций, по крайней мере тех из них, которые действуют в Палестине. Западный берег реки Иордан и ПНА являются территорией, замкнутой между Иорданией и Израилем. Действующие на территории автономии политические

⁷⁶ Burnell, Peter. Autocratic Opening to Democracy: Why Legitimacy Matters // Third World Quarterly. – 2006. Vol. 27, №. 4. P. 545–562.

и военизированные группы тем самым напрямую зависят не только от израильской стороны, но и от Иордании, которая при необходимости может просто «перекрыть кислород» еще не созданному палестинскому государству и его будущей администрации, вне зависимости от того, из кого она будет состоять — из представителей «Фатха» или «Хамаса». В таких условиях противодействие миру между Израилем и Иорданией со стороны палестинцев может быть проявлено исключительно в ограниченном виде. Палестинская проблема — головная боль, как для Израиля, так и для Иордании. Однако во многом именно у Аммана есть непосредственная возможность для влияния на поведение палестинского руководства и действующих на Западном берегу организаций. Это, в свою очередь, увеличивает международную и региональную значимость Хашимитского королевства, причем эта значимость сохранится, даже если арабское государство в Палестине когда-либо и будет создано. Иордания останется буфером, а в случае нормализации арабо-израильских отношений — еще и важным связующим звеном между арабским Ближним Востоком и Израилем, тем самым обеспечивая ограниченную или полноценную кооперацию между двумя региональными этническими, культурными, религиозными, экономическими и финансовыми полюсами.

Касаясь географического положения Иордании, важно отметить, что оно дает большие возможности также и для притока в страну капитала из соседних арабских государств. Вымирающий бывший финансовый и экономический центр Ближнего Востока, Бейрут, вряд ли когда-либо сможет хоть частично восстановить свое былое значение. Отток капитала и активных бизнес-элит из Ливана направлен не только на Запад, но и в сторону региональных стран, что позволяет с меньшими потерями сохранить характер и географию бизнеса, в особенности в случае, когда география и социокультурная среда (общность языка, традиций, религии, предпринимательской этики) имеет для конкретного вида бизнеса или конкретных социальных групп важное значение. В конце 1970-х гг. отток капитала и социальных сетей из Ливана на Кипр хоть и наметил возможность превращения Кипра в крупный средиземноморский и ближневосточный центр, но ни к каким значительным результатам не привел: возможно, именно из-за географического и социокультурного фактора.

Сегодня торговый и финансовый капитал из Ливана, по большому счету, может утекать только в стабильные уголки региона. Часть его уходит в ОАЭ, а часть туда просто не сможет перебраться, так как Ливан и его экономика тесно связаны с экономикой Средиземноморского региона, — ОАЭ же, хоть и являются с экономической точки зрения либеральным центром, но это — центр, ориентированный на кооперацию со странами Персидского залива, Южной и Юго-Восточной Азии.

Начатые в 2003–2004 гг. королем Иордании Абдаллой-II социально-экономические реформы, планы иорданского правительства по дальнейшей либерализации торговой, финансовой и экономической сфер укрепляют позиции Иордании в качестве центра притяжения капитала со всего преимущественно нестабильного региона. Надо вспомнить, что здесь же находится Ирак, стабилизация ситуации в котором не просматривается в среднесрочной перспективе.

Легитимность власти, хорошие отношения с США, мир с Израилем создают вокруг Иордании важный климат доверия, что необходимо для утекающих из нестабильных зон капиталов и ресурсов, в том числе и человеческих. В Иордании сегодня можно наблюдать очень интересный процесс: в страну перевозят свои капиталы представители религиозных и этнических меньшинств, проживающих в регионе. Прежде всего, речь идет об армянах и маронитах из Ливана. И это в условиях, когда в течение последних

лет христианские общины региона вымирают, что говорит только об одном: Иордания рассматривается в качестве островка стабильности и благоприятного места для жизни и работы на долгосрочную перспективу.

Постоянные заявления иорданских руководителей о том, что сотни тысяч беженцев из Ирака создали новые социальные проблемы в стране, отражают только одну сторону вопроса. Другой же стороной является то, что в Иорданию из Ирака переехали не только люди, которые нуждаются в социальной помощи иорданского правительства, но и люди весьма богатые, что положительно отразилось на общей капитализации экономики Иордании. Будущее Ирака предугадать невозможно, хотя есть все основания думать, что постоянно повторяемые слова американского руководства о том, что ситуация в этой стране постепенно нормализуется, очень далеки от реальности. А это значит, что отток населения из Ирака, в том числе и имущего, которое особо уязвимо во время любой гражданской войны, будет продолжаться. У Иордании же есть все предпосылки для того, чтобы стать центром притяжения имущих социальных групп из Ирака: страна толерантная, светская, граничит с самим Ираком, имеет хорошие отношения с США и Израилем, стабильность режима представляется долгосрочной, либерализация экономики позволяет легко начать свой бизнес, в стране есть качественные университеты и образовательные учреждения. Можно ожидать, что скоро Иордания начнет притягивать также социальные сети из соседней Сирии, в которой вероятность затяжной гражданской войны и падения светского режима усиливается с каждым днем.

В отличие от ОАЭ и других стран региона, Иордания имеет еще одну важную особенность: модернизация иорданской экономики и иорданского государства в целом идет с учетом важной составляющей — экологии и качества жизни. Огромные инвестиции в сферу образования, в науку, в инновации, в современные градостроительные проекты, в энергетику значительным образом отличают Иорданию от соседних арабских стран именно в плане экологии и качества жизни. Значение места проживания и ведения бизнеса связано не только с количеством денег, которое можно в этом месте заработать, но и с тем, можно ли здесь получить хорошее образование, есть ли право решать — справлять или не справлять религиозные праздники, с возможностью не быть ограниченным в выборе образа жизни (скажем, пить алкогольные напитки или нет, покрывать голову платком или нет) и — самое главное — с личной безопасностью. Иордания с этой точки зрения страна более чем привлекательная. Ее население сравнительно толерантно, в ней действуют 22 университета, 20 % ее населения имеет высшее образование.

Делая историческое прошлое территории, на которой находится современная Иордания, объектом пропаганды мультикультурности страны, в которой находятся культурные памятники и святыни самых разных народов и цивилизаций — набатейцев, иудеев, христиан, арабов, византийцев, крестоносцев, османов — политическое руководство страны умело представляет Иорданию перекрестком этих цивилизаций и культур, местом их взаимодействия. Насколько это соответствует действительности, с учетом того, что порой эти культуры друг с другом не то что не взаимодействовали, а активно конфликтовали, — иной вопрос. Но Иордания, как страна мультикультурная, — достаточно грамотно созданный идеологический и амбициозный бренд, который с учетом нормальных отношений со всеми центрами силы в регионе и мире дает возможность этой стране стать площадкой для диалога между цивилизациями. Вот уже семь лет на конференцию в Петре собираются лидеры стран и Нобелевские лауреаты, пытающиеся именно на иорданской земле выработать идеи стабильного и устойчивого развития.

Хашимитское королевство Иордании, пожалуй, имеет все шансы скрестить местные ценности с ценностями европейскими. Симптоматично, что во главе страны стоит король — по официальной версии потомок основателя ислама, имеющий при этом блестящее западное образование. Каким бы путем ни шло развитие в быстрорастущих экономиках Юго-Восточной Азии или в ОАЭ, у глобальной экономики и глобализации есть свои традиционные лидеры, которые представлены преимущественно странами Северной Америки и Западной Европы. Не считаться с этим — невозможно. Тем более — для стран, которые стремятся стать центрами этой глобальной системы.

Процесс превращения страны в лидера требует реализации всеобъемлющих и последовательных мер, касающихся не только экономики, но и социальной, ценностной и образовательной сфер. Очевидно, что реализация подобных мер в данных сферах на Ближнем Востоке может вызвать бурю негодования со стороны консервативной части населения, как это было в Иране в 1979 г. Но есть случаи, как, например, случай с Иорданией, когда наличие элементов традиционной легитимности власти укрепляет способность этой власти противостоять возможным катаклизмам. Наличие значительных и легких нефтяных доходов потенциально может помешать стране сделать качественный скачок в своем развитии. Для качественных изменений необходимо, чтобы развитие это было устойчивым. А устойчивого развития в условиях, когда экономика и жизнеспособность страны обеспечиваются за счет товара, цена на который может за месяц подняться на 50 %, а потом упасть на 60 %, — быть не может. Не случайно, что до начала гражданской войны самой крепкой экономикой на Ближнем Востоке была экономика Ливана — страны, которая не обладает никакими углеводородными запасами. Мы полагаем, что будущий центр Ближнего Востока будет также находиться не в нефтеносной зоне региона, а там, где географически, политически и социально может быть обеспечена стабильность притока капитала из существующих мировых центров, привлекательные условия для существования передовых социальных групп, а также могут быть предоставлены высокого качества услуги в сфере культуры, образования, науки и пр.

Иордания, на наш взгляд, обладает самыми значительными ресурсами — политическими, социальными, образовательными, культурными — для превращения в региональные «ворота в глобальный мир». Насколько стабильно будет протекать этот процесс — зависит от множества факторов, однако потенциал самой страны и заинтересованность внешних акторов могут стать хорошей гарантией его позитивного исхода.

5. ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕАКЦИЯ НА «АРАБСКУЮ ВЕСНУ» И НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПУТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Рассмотрим теперь отношение европейских правительств к проблемам модернизации стран Ближнего Востока. Парадоксальным образом для этого надо остановиться на отношении этих правительств к революциям в двух небольших арабских странах — Йемене и Бахрейне. В Йемене тридцатилетнее правление президента Салеха, с точки зрения протестующих, было ничем не лучше правления Мубарака. В стране после массовых демонстраций с требованиями отставки Салеха начались вооруженные столкновения правительственных сил с оппозицией, армия раскололась, и в конце концов, при посредничестве Лиги арабских стран, президент Салех вынужден был уйти. Но режим фактически остался нетронутым, так как на пост президента был выбран вице-президент. Судя по всему, трансформация режима в Йемене еще не закончена: президент выбран на двухлетний срок, в течение которого он должен провести выборы в парламент. Но протесты в Йемене не привлекали в Европе такого внимания, как протесты в Ливии и Сирии. По-видимому, это происходило по причине географического положения страны, находящейся в непосредственной близости к Саудовской Аравии, и возможного влияния ситуации в Йемене на внутреннюю стабильность арабских нефтяных монархий. Но различие отношений европейских правительств к Ливии и Сирии, с одной стороны, и Бахрейну и Йемену — с другой, поражает. Не здесь ли нащупывается самый нерв этой политики — молчаливое соглашение не делать ничего, что могло бы повредить интересам арабских нефтяных монархий?

Если развивать эту идею дальше, то возникает примерно следующая картина: европейские правительства в вопросе о помощи арабским революциям оказались в сложном положении. Объявляя себя приверженцами демократии, они не могли не отреагировать на призывы общественности своих стран и либеральных СМИ поддержать протест. И делали они это очень охотно, понимая всю неустойчивость отношений с арабскими автократами (в этом отношении особенно показателен случай Каддафи). Когда же такие страны, как Катар и ОАЭ, присоединились к кампании против светских арабских автократов, менять политический курс было уже поздно, и европейские правительства с удивлением увидели, что в действительности они поддерживают радикальные исламистские течения и даже представителей «Аль-Каиды». В то же время продолжение курса на уничтожение светских автократов сулило определенные выгоды: укрепляло положение партнеров по бизнесу (нефтяных монархий) и создавало определенные перспективы экономического характера, учитывая быстрые темпы роста экономики нефтеэкспортирующих стран. Тем более что на Ближнем Востоке начал создаваться экономический кластер, включающий не только нефтедобывающие отрасли, но и крупные финансовые центры в Катаре и Дубае. Так что, на наш взгляд, политика европейских правительств не столь уж парадоксальна, как может показаться в первом приближении.

Следует учесть и тот факт, что в «нефтяных» монархиях стран Персидского залива отработывалась модель модернизации — монархическая, абсолютистская, исламская, фундаменталистская. Эта модель развития основывалась на огромных финансовых

ресурсах, получаемых от продажи нефти и газа⁷⁷, на привлечении в качестве рабочей силы мигрантов из бедных, перенаселенных исламских стран (Пакистан, Бангладеш), на создании ультрасовременных вооруженных сил за счет закупок самого совершенного вооружения на Западе, на попытках создать современные финансовые рынки и усиленно развивать туристическую индустрию. В результате такие страны, как ОАЭ, Катар, Оман, Саудовская Аравия, построили у себя суперсовременные мегаполисы, роскошные курорты, создали образцовые авиакомпании, а ОАЭ и Катар создали первоклассную сеть глобальных арабоязычных СМИ (Аль-Арабия, Аль-Джазира). Строительство мощного модернизационного потенциала сочеталось с разумной социальной политикой (в Саудовской Аравии, например, проблема безработицы среди образованной молодежи стала сниматься путем принятия этой молодежи на работу в качестве школьных учителей, что одновременно повысило уровень школьного образования из-за резкого сокращения количества учеников в классах — до 10–15). Колоссальные финансовые ресурсы стран Персидского залива (ВНП на душу населения в Катаре достигает фантастической величины — 87 тыс. долларов, существенно больше, чем в США) невозможно было инвестировать внутри. Образовавшийся избыток стали направлять на пропаганду ислама в других странах и на поддержку радикальных исламских движений повсюду, где такие движения удалось создать (в Чечне, на Филиппинах, в Афганистане, в странах Центральной Азии). При этом правящие элиты этих стран поддерживали и укрепляли отношения с западными странами, что, учитывая их вовлеченность в «террористическую деятельность» в Афганистане и Ираке и существенно антиамериканскую направленность вещания «Аль-Джазире» в период войны в Ираке, представляло собой явный парадокс. В СМИ неоднократно публиковались материалы о поддержке представителями правящей элиты Саудовской Аравии деятельности «Аль-Каиды». Тем не менее политические и финансовые интересы западных стран перевешивали риски, связанные с поддержкой арабскими нефтяными монархиями радикального ислама.

К моменту начала «арабской весны» в декабре 2010 г. перед элитами стран арабского мира стоял непростой выбор: ждать пока «демократическая волна» захлестнет и их страны или попытаться «оседлать» эту волну и повернуть недовольство антидемократической политикой авторитарных светских режимов, пользуясь лозунгами исламской фундаменталистской демократии. В качестве страны на пробу была выбрана Ливия, где режим Каддафи начал давать трещины.

Демократическое движение в Ливии было немедленно поддержано западными странами, которые, судя по всему, не понимали реального положения в стране, прежде всего социальных последствий клановости ливийского общества, состоящего из враждующих между собой племен. Соответственно недооценивались риски «сомализации» конфликта в Ливии (в Сомали ликвидация «социалистического» режима Сиада Барре привела к гражданской войне, длящейся более 20 лет, и развитию пиратства в прибрежных водах).

Надежды на легкую победу «Демократических сил» в Ливии не оправдались. Началась тяжелая гражданская война, победа «демократов» в которой была обеспечена массивной поддержкой авиации (а возможно, и спецназа) стран НАТО. Действия «демократов» в Ливии были активно поддержаны монархиями стран Персидского залива, в особенности Катаром. Катарский спецназ, по всей видимости, использовался при штурме резиденции Каддафи. Так возник странный симбиоз борцов за демократию с

⁷⁷ D. Holden R. Johns The House of Saud. — London, 1982.

консервативными абсолютистскими режимами. Заметим, что массовые демократические выступления в Бахрейне были быстро подавлены вооруженными силами Саудовской Аравии, при полном молчании стран Запада.

Победа в Ливии быстро выявила истинный смысл помощи со стороны стран Персидского залива. В Ливии начали устанавливать исламский режим. Аналогичный процесс пошел и в Египте, где на выборах победили исламские партии («Братья мусульмане» и салафиты). То же произошло и на выборах в Тунисе. Результатом «арабской весны», похоже, становится формирование третьего пути развития арабских стран – «Мусульманской демократии». Этот процесс сближает политику арабских стран с политикой Турции под руководством Эрдогана. Нечто похожее можно наблюдать в Марокко и Иордании, где монархические режимы, в отличие от стран Персидского залива, отказались от абсолютизма и законов шариата и эволюционировали в сторону конституционных монархий, хотя и не без эксцессов. Политические режимы там достаточно прочны и легитимны, несмотря на то, что в начале «арабской весны» в этих странах тоже наблюдались серьезные волнения. Можно было бы подумать, что будущее таких стран, как Ливия и Египет, в конечном счете приведет к ситуации, аналогичной ситуации в Марокко или Иордании. Но ситуация в Ливии и Египте скорее напоминает ситуацию в Ираке после вывода оттуда американских войск.

Попробуем подытожить политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Как мы уже отмечали выше, в Тунисе существовал светский режим. Примерно такой же характер имел режим Мубарака в Египте, может быть, несколько более закамуфлированный атрибутами западной демократии. «Джамахирия» полковника Каддафи на протяжении десятилетий являла из себя пример того странного симбиоза арабского национализма, ислама и идеи социализма, которые потеряли свою актуальность после распада Советского Союза, оказывавшего систематическую поддержку режиму, после чего Каддафи начал дрейфовать вначале достаточно осторожно, а потом всё более открыто в сторону западных стран. При этом авторитарный характер режима смягчался медленно, а Ливия оставалась светским государством. Сирия, где власть принадлежит БААС – партии арабского социалистического возрождения – и которая начиная с 1960-х гг. являла собой другой пример симбиоза арабского национализма и социалистических идей, так же, как и Ливия, оставалась светским государством. Все эти политические режимы рухнули (за исключением Сирии) во время «арабской весны», и указанные страны находятся на пути к установлению «исламской демократии». Иран уже давно демонстрирует пример «исламской демократии». Турция, как мы отмечали выше, движется в том же направлении.

Если мы посмотрим на события «арабской весны» с точки зрения отношения стран, в которых происходили указанные события, к исламу, то мы обнаружим, что все четыре страны отличались прежде всего светским принципом организации государственной власти. Лишь одна из этих стран – Ливия – получала существенные доходы от экспорта нефти, что позволило ей широко осуществлять своеобразный ливийский вариант социального государства – существенно поднять уровень образования и медицинского обслуживания населения. Если исходить из позиции западных сторонников демократических преобразований в арабских странах, то по шкале «авторитаризм-демократия» все четыре страны находились на промежуточном уровне между откровенно абсолютистскими нефтяными монархиями – Саудовской Аравией, Объединёнными Арабскими Эмиратами, Катаром, Оманом (вторая модель) и либеральными режимами Иордании и Марокко (третья модель). Исходя из логики либеральных политиков Европы и Америки, «араб-

ская весна», представляющая своего рода «четвёртую волну демократизации», должна была бы быть в первую очередь направлена против монархических фундаменталистских режимов. Так, похоже, дело и складывалось, но в какой-то момент процесс полностью поменял свою направленность. Как уже упоминалось, прошедшие выборы в Тунисе и Египте продемонстрировали триумф консервативных исламских сил в этих странах, а военная победа в Ливии привела к неопределенности и хаосу, из которого страна медленно выбирается. В настоящее время Лига арабских стран, в которой доминирующее влияние оказывают арабские нефтяные монархии, поддерживает политическую оппозицию в Сирии. В целом картина выглядит прямо противоположно представлениям об «арабской весне» как о волне демократизации.

Вышеприведенные примеры демонстрируют всю палитру кризиса легитимности, которым «пропитаны» политические отношения и процессы в регионе Ближнего Востока. И самое драматичное для этих региональных стран, на наш взгляд, заключается в том, что даже если действующие режимы будут свергнуты, на их месте не появятся такие, власть которых будет не только законной, но и легитимной. Если обратиться к категориям и понятиям политической науки, то можно определить, что рациональной легитимности в регионе быть не может, так как в политических отношениях отсутствуют как демократические ценности, так и традиции. Их совокупность и формирует потенциал достижения компромисса по важнейшим общественно значимым и политически важным интересам при ведении политических переговоров между главными акторами — социальными группами самой разной конфигурации.

Что касается традиционной легитимности, присущей монархическим или просто авторитарным государствам, то тут дела обстоят не намного лучше. Наследственная власть пошатнулась уже после смерти отца-основателя арабского государства — пророка Мухаммеда. Убийство имама Хуссейна стало фактором, разделившим ислам на суннитское большинство и шиитское меньшинство, со всякого рода сектантскими направлениями в каждой из этих двух ветвей ислама. Последующий распад Арабского халифата и попадание региона под власть самых разных завоевателей — персов, сельджуков, монголов, столетия пребывания под Османским владычеством, десятилетия существования под французским и английским мандатами мало кому оставили возможность называть себя традиционными правителями на той или иной территории. Тем самым сугубо консервативные общества Ближнего Востока оказались лишены важнейшего для таких обществ атрибута государственной власти — традиционной легитимности. Но без легитимности невозможно успешно провести модернизационные преобразования. Таким образом, страны Ближнего Востока обречены вращаться по кругу, то модернизируясь без легитимности, что ведет к революции, то устанавливая «исламскую легитимность» и при этом отбрасывая модернизацию.

Сергеев Виктор Михайлович, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО (Университет) МИД России, академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор. Автор ряда книг, вышедших в России и за рубежом: «The Wild East», «Russia's Road to Democracy», «Демократия как процесс переговоров», «Пределы рациональности» и др. Автор более 200 работ, посвященных политологии, истории культуры, когнитивным механизмам принятия решений.

Sergeyev Victor Michilovitch, the Director of the Center for the Studies of Global Problems of the Institute for International Studies of MGIMO – University. Member of the Academy of Natural Science, doctor of History, professor. He is the author of several books ,edited in Russia and abroad «The Wild East», «Russia's Road to Democracy», «Democracy as a Process of Negotiations», «The limits of rationality» and others. He is an author of more than 200 articles devoted to Political science, History of Culture, Cognitive mechanisms of Decision making.

Сарухян Севак Норайрович, к.п.н., заместитель директора научно-образовательного фонда «Нораванк» (Ереван, Армения). Политолог-иранист, автор двух монографий, посвященных иранской научно-технической политике в ядерной сфере и российско-иранским отношениям, и двух десятков статей на различные темы международной и энергетической политики. Сфера научных интересов – региональная безопасность на Среднем Востоке, иранская внешняя политика, международная и региональная энергетическая политика.

Dr. Sevak Sarukhanyan, deputy-director of the «Noravank» scientific-educational foundation is a political scientist and Iranian studies scholar. He is an author of two books on Iranian scientific policy in the nuclear sphere and Russian-Iranian relations and of more than 20 articles on the issues of regional and international security and energy policy. His professional interests include the problems of security in the Middle East, Iranian foreign policy, international and regional energy cooperation.

Центр глобальных проблем (ЦГП) ИМИ МГИМО (У) МИД России действует с 2004 г.

ЦГП видит свою задачу в изучении крупных проблем современной мировой политики, требующих сочетания специальных методов исследования (экономических, историко-культурных, когнитивных), а также знаний в области естественных наук и современной технологии.

К числу таких проблем, в первую очередь, относятся:

- Воздействие мирового рынка на экономическую и политическую структуры отдельных государств.
- Изменения политических режимов государств, осуществляемые под давлением предпочтений, существующих в «мировом сообществе» («волны демократии»).
- Конфликты, вызываемые цивилизационными и культурными различиями.
- Глобальное воздействие на мировую политику ресурсных ограничений (энергетические и экономические проблемы).
- Подробнее о ЦГП см. на Инет-сайте ИМИ МГИМО (У) www.mgimo.ru/ktsmi

Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2009 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, освоения новых исследовательских секторов (региональных и проблемных), проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов ИМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) – **Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990 гг.)**, **Центра международных исследований (1990–2004 гг.)** и **Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.)**.

В настоящее время в состав ИМИ входит одиннадцать научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр БРИКС,
- Центр евроатлантической безопасности,
- Центр проблем Кавказа и региональной безопасности,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр североевропейских и балтийских исследований,
- Аналитический центр.

Директор ИМИ – А.А. Орлов, профессор МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

«Аналитические доклады» Института международных исследований МГИМО (У) МИД России (до мая 2009 г. – «Аналитические доклады» НКСМИ) издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав ИМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru